

Василий Бочаров

Теневой маршрут

Василий Бочаров

Теневой маршрут

«Автор»

2026

Бочаров В.

Теневой маршрут / В. Бочаров — «Автор», 2026

Стандартный маршрут, двое суток в пути и один заключенный. Капитан Хартманн и двое его бойцов должны доставить на трибунал бывшего финансиста наркокартеля. Этот циничный бухгалтер слишком много знает и слишком многим мешает. Всё летит к чертям в самом начале пути. На конвой открывают охоту все: фармакологическая корпорация, коррумпированные флотские адмиралы и сам картель. Чтобы выжить и довезти свидетеля до здания суда, конвою приходится уйти на «теневой маршрут». Туда, где законы не действуют, а говорят только деньги и крупный калибр. Впереди — гонка через полгалактики, перестрелки на орбитальных станциях, стычки в грузовых доках и заключенный, который умудряется бесить конвоиров даже под шквальным огнем. В тексте: - Суровый космос и высокие ставки - Прагматичные и сильные герои - Циничный юмор - Охота на конвой по всей Галактике

© Бочаров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Свифт»	5
Глава 2 Стивен Вандерхоф	14
Глава 3 Прямой маршрут	24
Глава 4 Кассиопея	32
Глава 5 Маяк	41
Глава 6 Нова-Рифт	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Василий Бочаров

Теневой маршрут

Глава 1 «Свифт»

Дождь шёл третьи сутки. Мелкий, противный — не ливень, а водяная взвесь, которая забиралась под воротник и оседала на лице холодной плёнкой. Гравитационные водостоки на крышах гудели, захлёбываясь, но справлялись. Правительственный квартал тонул в сером мареве — зеркальные фасады, мокрый бетон, редкие прохожие под прозрачными зонтами-куполами.

Капитан Эрик Хартманн вышел из маглев-экспресса на станции «Правительственный квартал» в семь тридцать две. На нём была полевая форма ССБС — тёмно-синий китель, форменные брюки с магнитными вставками, ботинки на толстой подошве. Под мышкой — планшет. На поясе — табельный «Хеклер» в закрытой кобуре. Он не любил таскать оружие в городе, но устав Специальной Службы Безопасности Сената этого требовал, а Хартманн чтит устав.

Здание управления ССБС высилось в квартале от станции — двадцать два этажа зеркального стекла и серой стали, зажатые между Министерством обороны и коммерческим центром «Аврора-Плаза». Никаких вывесок. Только эмблема на фасаде — стилизованный щит с тремя звёздами — и вооружённая охрана у входа. Те, кому нужно, знали адрес. Остальным знать не полагалось.

Хартманн прошёл через рамку, кивнул дежурному и направился к лифтам. Дежурный — молодой парень в форме внутренней безопасности — проводил его взглядом. Капитана здесь знали.

Лифт оказался пуст. Хартманн нажал кнопку третьего этажа и приготовился ждать. Когда двери начали закрываться — в последний момент в них протиснулась рука с зажатым стаканчиком кофе.

— Держи, держи! — раздался знакомый голос.

В лифт втиснулся мужчина лет пятидесяти в расстёгнутом кителе с нашивками интендантской службы. Капитан Орсон Граббс, заместитель начальника отдела снабжения. Круглое лицо, жидкие волосы, зачёсанные на лысину, вечно прищуренные глаза. В одной руке он держал картонный стаканчик с кофе, в другой — потрёпанную папку с накладными.

Граббс служил в ССБС дольше, чем Хартманн себя помнил. Он начинал ещё при старом управлении, когда Служба только формировалась, и с тех пор прошёл путь от кладовщика до замначальника снабжения. За пятнадцать лет знакомства Хартманн так и не понял, был ли Граббс гениальным скрягой, который действительно экономил бюджет, или просто патологическим жмотом, который получал удовольствие от самого процесса.

— Хартманн! — Граббс радостно оскалился. — Лёгко на помине. Опять в рейс?

— Опять.

— Я так и знал. Ты когда в управление заходишь, у меня на складе лампочки мигать начинают. — Граббс отхлебнул кофе и зашуршал накладными. — Слушай, у меня к тебе разговор. Вы по разнарядке должны получить три новых тактических шлема «Рэйвен-6». Но я вам выдам старые, «Рэйвен-4».

— Почему?

— Потому что «Рэйвен-6» пришли без креплений. Будут через неделю. А старые — они надёжные, проверенные.

— Старые шлемы хоть целые? — спросил Хартманн.

— Почти. У одного трещина на забрале, нужно чуть-чуть заклеить.

— Что значит заклеить?

— Специальным составом.

— Каким именно?

Граббс замаялся, отвёл глаза.

— Есть у меня один. Там на тубике было написано «универсальный». Для всего подходит.

— Ты что, издеваешься?

— Хартманн, ты же знаешь, бюджет урезали. Флот съедает восемьдесят процентов ассигнований. А мы крутимся как можем.

— Я поговорю с Барреттом, — медленно сказал Хартманн. — Если он скажет, что шлемы — дерьмо, я их тебе лично вставлю знаешь куда? Так что лучше сразу со своим универсальным составом готовь вазелин.

Граббс расплылся в робкой улыбке. Он знал, что Хартманн не шутит — во всяком случае, не до конца.

— Ладно, не злись ты. Заходи на склад через час, что-нибудь придумаем. Я всё для вас готов отдать, ребята. Самое лучшее от сердца оторвать.

Лифт остановился на третьем. Хартманн посмотрел долгим тяжёлым взглядом на снабженца и вышел.

Транспортный отдел занимал всё крыло третьего этажа. Здесь базировались двенадцать оперативных групп, обеспечивавших сопровождение важных грузов, высокопоставленных лиц и особых объектов по всей Федерации и за её пределами. Коридор гудел как улей — мимо сновали офицеры в полевой форме, кто-то тащил контейнер с оборудованием, кто-то спорил у тактической карты на стене. Из приоткрытой двери кабинета оперативного планирования доносился приглушённый гул голосов — там обсуждали какой-то маршрут.

— Хартманн! — окликнули его.

Обернувшись, он увидел капитана Линдсей Чен — командира четвёртой группы. Она стояла у кофейного автомата с планшетом в руке. Высокая, жилистая, с короткой стрижкой и неизменной усталой усмешкой на лице. Они учились вместе на КУОС, вместе проходили горную подготовку, вместе попали в ССБС.

— Чен, — кивнул Хартманн.

— Слышала, тебе опять что-то перепало. Видела Граббса в лифте, уже успел чем-то обрадовать?

— Успел. Трещина на забрале. Предлагает заклеить универсальным составом.

— Ну, это Граббс. — Чен усмехнулась. — Мне он в прошлый раз выдал аптечки с просроченным антисептиком. Сказал: «Всё равно сработает, а срок годности для бюрократов написан». Мы, кстати, вчера вернулись с рейда. Везли груз с Цереры. Скучно. Никаких происшествий.

— Скучно — это хорошо, — сказал Хартманн.

— Да ладно, Эрик. Ты сам-то в это веришь?

Хартманн не ответил.

— Ладно, не задерживаю, — Чен махнула рукой. — Увидимся позже.

Она ушла, а Хартманн направился в свой кабинет — в дальний конец коридора, мимо аналитического отдела и кабинета начальника отдела полковника Роберта Хейза. Дверь к Хейзу была плотно закрыта, но из-под неё пробивалась полоска света. Значит, полковник уже на месте.

Кабинет Хартманна был маленьким и спартанским — стол, два стула, подоконник, сейф с документами, терминал защищённой связи. На стене — карта Федерации с отметками. На столе — голографическая рамка с фотографией женщины. Хартманн никогда не обсуждал эту фотографию.

В кабинете уже ждали.

Сержант Лиам Барретт сидел на одном из стульев, закинув ногу на ногу, и сосредоточенно просматривал что-то на планшете. Худощавый, подтянутый, с коротко стриженными тёмными волосами и вечно прищуренными глазами — профессиональная привычка человека, годами всматривавшегося в экраны сканеров. На рукаве — нашивка технической службы, которую он носил по старой памяти, хотя уже три года как числился в транспортном отделе. Барретт был лучшим специалистом по техническим средствам. Да и пилотировал он на уровне флотских выпускников — не даром именно ему доверяли вести корабль в самых сложных рейдах.

Капрал Маркус Фелпс сидел на подоконнике — широкоплечий, с квадратной челюстью и руками, которые могли гнуть арматуру. На нём была форменная футболка, обтягивающая мощную грудь, и полевые брюки. Китель он снял и небрежно бросил на спинку свободного стула. На левом предплечье белел старый шрам от осколка. Фелпс лениво вертел в руках потёртый тактический нож — явно древний, с рукоятью, обмотанной изолентой.

— Доброе утро, — сказал Хартманн, входя.

— Доброе, капитан, — отозвался Барретт, не поднимая глаз.

— О, командир! — Фелпс спрыгнул с подоконника. — А мы тут гадаем, куда нас на этот раз. Барретт говорит — опять какого-нибудь генерала-пенсионера будем на курорт сопровождать.

— А ты, Маркус, смотри на вещи позитивно, — сказал Барретт, наконец отрываясь от планшета. — Генералы редко летают по курортам одни. Как правило, с ними такие цыпочки, что я уверен, там будет на что посмотреть.

— Это да, — оживился Фелпс. — Помню, как-то раз сопровождали мы адмирала, так с ним целое модельное агентство было. Десять девиц, все с такими... — он неопределённо повёл руками в воздухе. — Короче, мне потом выговор объявили за то, что я с одной из них в баре познакомился. А она оказалась женой адмирала!

— Ты серьёзно? — Барретт приподнял бровь.

— Абсолютно! Но я же не знал! У них, у адмиралов, жёны все как фотомодели. Откуда мне было знать, что она — жена, а не... ну, ты понял.

— Ты идиот, Фелпс, — резюмировал Барретт, но в его голосе слышалась улыбка.

— Отставить разговоры, — усмехнувшись, сказал Хартманн. — И свои влажные фантазии. У нас служба серьёзная. О бабах будем думать, когда вернёмся.

— Так точно, капитан. — Фелпс изобразил стойку «смирно», но тут же расслабился и снова плюхнулся на подоконник. — А если серьёзно — есть задание?

— Будет, — Хартманн сел за стол. — Мне через час к Хейзу. Перед этим зайдём к Греко — получить бумаги. Что-то готовится.

— Греко? — Фелпс оживился. — Наш старый майор? Если Греко при деле, значит, что-то серьёзное. Обычно он мне анекдоты рассказывает, но когда дело важное — молчит как рыба.

— Вот и проверим, какое у него сегодня настроение, — сказал Барретт.

— Кстати, об анекдотах, — Фелпс вдруг подался вперёд. — Капитан, вы слышали, что на прошлой неделе группа Ковальски везла какого-то чиновника из Минюста, а он им устроил истерику из-за того, что ему в каюте жарко?

— Не слышал, — сказал Хартманн.

— Ну так вот. Они ему говорят: «Господин советник, кондиционер в порядке, успокойтесь». А он им: «Мне жарко, я весь взмок!» И требует открыть форточку!

— В вакууме, — уточнил Барретт.

— Именно! Ковальски ему полчаса объяснял, что на корабле нельзя открыть форточку. Тот не верил. Сказал, что это «бюрократические отговорки» и «он примет меры, когда они вернутся». В итоге Ковальски не выдержал, отключил кондиционер вообще и сказал, что он

сам своему начальству доложит, что охраняемое лицо пренебрегает вопросами личной безопасности, и в будущем рекомендуется к перевозке только эконом классом. Чиновник сразу успокоился.

— Ковальски — герой, — сказал Барретт. — Я бы так не смог.

— Слово «эконом» всегда действует на чиновников отрезвляюще, — согласился Фелпс.

— Ладно, тонкие знатоки чиновничьих душ, — Хартманн поднялся. — Идём позавтракаем. Потом за бумагами. Потом — к Хейзу.

Столовая управления ССБС располагалась на втором этаже и представляла собой длинное помещение с пластиковыми столами, раздатчиком автоматом и вечным запахом синтетического кофе и разогретого белкового концентрата — стандартный запах любого учреждения Федерации, где кормили дёшево и питательно. Хартманн взял кофе и тост. Барретт — овсянку. Фелпс, как всегда, набрал полный поднос: яичницу, бекон, бобы, тост и стакан апельсинового концентрата.

— Ты жрешь как на убой, — заметил Барретт.

— Я десантник. Мы не знаем, когда поедем в следующий раз, — ответил Фелпс, набивая рот. — Это профессиональная деформация.

— Эта твоя деформация называется обжорство.

— Это называется стратегическое планирование.

За соседним столом расположились двое оперативников из отдела наружного наблюдения. Хартманн знал их в лицо — лейтенант с фамилией Чоу на нашивке и сержант, имени которого он не помнил.

— Фелпс, — окликнул Чоу, — ты опять в рейс?

— А то! — отозвался Фелпс, набивая рот. — Золотой состав транспортного отдела. А ты всё за кем-то следишь?

— Уже нет, — Чоу поморщился. — На прошлой неделе вели одного дипломата. Четыре дня пасли, почти взяли. А он возьми и брось под грузовой маглев на станции.

— Насмерть?

— Насмерть. Теперь пишем рапорты, почему объект ушёл в активную фазу суицида. Тридцать страниц. Комиссия будет разбираться.

— Бюрократия, — вздохнул Фелпс. — Вот почему я люблю нашу работу. Летишь, сопровождаешь, никаких тебе рапортов о суициде.

— Заткнись, — сказал Барретт. — Сглазишь.

После завтрака они направились в транспортный отдел. Коридор уже бурлил — офицеры сновали туда-сюда, у кофейного автомата выстроилась короткая очередь, из кабинета номер три доносился чей-то смех — группа Донована, судя по голосам, травила байки перед вылетом.

Кабинет майора Греко находился в начале крыла. Греко был дежурным офицером транспортного отдела — пожилой, грузный, с усталым лицом человека, который когда-то служил во Флоте, получил ранение, был списан и теперь дослуживал свой век на бумажной работе. Он сидел за столом, заваленным папками и планшетами, и просматривал какой-то документ.

— Хартманн, — сказал он, не поднимая головы. — Я вас ждал. Садитесь.

Они расселись. Фелпс занял второй свободный стул, Барретт пристроился у стены.

Греко выложил на стол три папки с грифами «Секретно» и «Специальный допуск».

— Слушайте внимательно. У вас нестандартное задание.

— Мы уже поняли, — сказал Фелпс. — По вашему лицу видно, сэр.

— Не перебивай, — спокойно сказал Греко и продолжил: — Первая папка — приказ на транспортировку. Маршрут: Аврора — Федеральная тюрьма «Дельфин» — торговая станция «Кассиопея» — Аврора. Две промежуточные точки. На «Дельфине» заберёте заключённого. На «Кассиопее» — плановая остановки для дозаправки и проверки систем. На всё про всё — около сорока восьми часов.

— Стандартный маршрут, — заметил Барретт.

— Стандартный, — подтвердил Греко. — Поэтому особых вопросов быть не должно. Прямой, надёжный, с плановой остановкой. Так по этому коридору гоняют курьеры каждую неделю.

Хартманн открыл первую папку. Внутри — маршрутная карта, частоты для связи, коды доступа к системам «Дельфина», список контактных лиц на каждой точке.

— Вторая папка — личное дело заключённого. Ознакомьтесь в полёте. Скажу кратко: бывший участник наркокартеля «Семь Колец». Дал ценные показания. Сидит в «Дельфине» шесть лет в ожидании суда. Теперь назначен закрытый судебный процесс на Авроре. Он ключевой свидетель.

Хартманн открыл вторую папку. На первой странице была голограмма — мужчина лет сорока пяти, худое лицо, острые скулы, короткие волосы с проседью. Под голограммой — данные: «Вандерхоф, Стивен. Финансовый стратег наркосиндиката «Семь Колец». Статья: 117-А (участие в преступном сообществе), 205-В (отмывание доходов), 310-Г (уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере). Завербован АРП шесть лет назад. Содержится в тюрьме «Дельфин», блок специального содержания».

— Финансист, — сказал Барретт, заглядывая через плечо Хартманна. — Белый воротничок.

— Не просто белый воротничок, — поправил Греко. — Гениальный финансист. Он вёл бухгалтерию «Семи Колец» одиннадцать лет. Одиннадцать лет, джентльмены.

Капитан с подчинёнными одновременно кивнули.

— Третья папка, — продолжил Греко, — медицинская карта. Заключённый здоров, хронических заболеваний нет, особых условий содержания не требует. Никаких спецпрепаратов, никаких медикаментов. Обычная перевозка.

— Значит, пассажир здоров как бык, и проблем быть не должно, сэр, — хмыкнул Фелпс.

— Я шесть лет прослужил во Флоте и пятнадцать — в ССБС. Я не верю даже в то, что кофе в нашей столовой — это кофе, так что на маршруте будьте крайне внимательны, — Греко вздохнул и подвинул папки к Хартманну. — Распишитесь.

Хартманн закрыл папки и расписался в журнале приёма-передачи. Греко поставил печать.

— Всё, капитан. Дальше — инструктаж у Хейза. Он вас ждёт через двадцать минут.

— Спасибо, майор.

Кабинет полковника Роберта Хейза находился здесь же, на третьем этаже, в середине коридора — между оперативным залом и кабинетом аналитиков. Дверь была массивной, с табличкой «Начальник транспортного отдела» и электронным замком. Хартманн постучал.

— Войдите.

— Вызывали, сэр?

Хейз сидел за большим столом. Это был сухощавый человек лет пятидесяти пяти с сединой на висках и холодными серыми глазами. Китель с нашивками полковника сидел безупречно. На столе — терминал, несколько папок с грифами, стакан воды. Ничего лишнего.

— Капитан Хартманн, — сказал Хейз. — Садитесь.

Хартманн сел.

— Вы получили документы у майора Греко?

— Так точно.

— Ознакомились?

— В общих чертах. Детально изучу в полёте.

— Хорошо. — Хейз сложил руки перед собой. — Тогда коротко. Заключённый Вандерхоф — ценный свидетель. Его показания крайне важны для суда. Маршрут стандартный,

утверждённый. Вы идёте без эскорта, чтобы не привлекать лишнее внимание. Группа у вас сработанная, в рекомендациях не нуждается. Вопросы?

— Никаких, сэр.

— Вот и отлично. — Хейз кивнул. — Вылет в десять. Удачи.

Хартманн понял, что разговор окончен. Он поднялся, отдал честь и вышел.

У дверей кабинета его ждали Барретт и Фелпс. Вид у обоих был выжидающий.

— Ну? — спросил Фелпс.

— Стандартный маршрут. «Дельфин» — «Кассиопея» — обратно. Везём важного свидетеля. Никакой самодеятельности.

— Скучно, — резюмировал Фелпс. — Но я всё равно рад. Хоть из управления выберемся.

— Сначала на склад, потом — на аэродром. Барретт, — повернулся Хартманн, — ты за рулём.

— Принято, — кивнул Барретт.

Склад вооружения и специального снаряжения находился в подвальном этаже. Здесь все было залито холодным электрическим светом, пахло оружейной смазкой и пластиком. Капитан Граббс уже ждал их за стойкой выдачи и сиял, как человек, который сумел невозможное.

— Я всё уладил! — объявил он. — Нашёл три «Рэйвен-5» в идеальном состоянии. Без трещин, без ремонта. Плюс новые тактические визоры, со склада Флота перехватил. Вы мне должны, парни.

— Мы тебе ничего не должны, — сказал Хартманн. — Ты нам шлемы по уставу выдаёшь. Показывай.

На стойке уже лежали три комплекта лёгкой тактической брони — шлемы «Рэйвен-5» с интегрированными визорами, бронежилеты с керамическими вставками, наплечники, наколенники. Всё подогнанное, проверенное, без следов износа. Рядом — табельное оружие: автоматы «Картер», пистолеты «Хеклер-4», дополнительные боекомплекты.

Барретт взял шлем, осмотрел, проверил крепления визора.

— Целый, — констатировал он. — Даже без царапин. Граббс, колись.

— А чего колотья-то? — Граббс пожал плечами. — У флотских отжал. У них там бардак почище нашего. Они три контейнера со снаряжением потеряли в прошлом квартале. Буквально потеряли — не знают, куда дели. А я знаю. Поделится информацией с одним знакомым интендантом, а он мне — шлемы.

— То есть ты их шантажируешь, — резюмировал Барретт.

— Фу, сержант, какие слова. Я оказываю коллегам информационную поддержку. А они в знак благодарности делятся излишками. Всё строго в рамках межведомственного взаимодействия.

— Межведомственное взаимодействие, — повторил Фелпс. — Надо запомнить. Звучит гораздо лучше, чем «спекуляция».

— Вот именно, — кивнул Граббс. — Учитесь, пока я жив.

Снаряжались обстоятельно. Тактическая броня ССБС была лёгкой, но надёжной — композитные пластины держали автоматную очередь, а весили меньше армейского аналога. Каждый проверил свой комплект: крепления, замки, герметизацию. Барретт дополнительно взял портативный комплект радиоразведки и сканер. Фелпс — аварийный набор выживания, дополнительный боекомплект и ручной гранатомёт «Гром» на случай серьёзных неприятностей. Хартманн — уставное снаряжение, планшет с документами и новейшие ограничители для заключённого со встроенным сканером.

— Всё, — сказал Хартманн, застёгивая последний замок. — Выдвигаемся.

Служебный аэродром ССБС находился в пятнадцати километрах от управления, за городской чертой. Барретт вёл машину — стандартный служебный автомобиль с эмблемой

ССБС на дверях, — уверенно лавируя в потоке утреннего транспорта. Дождь наконец стих, но небо оставалось серым.

— Значит, «Дельфин», — сказал Фелпс с заднего сиденья. — Я слышал про эту тюрьму. Говорят, там сидят только те, кого нельзя держать на планетах.

— Обычная тюрьма строгого режима, — отозвался Барретт. — Астероид, вакуум, блоки с отдельными системами жизнеобеспечения.

— И наш бухгалтер сидит в специальном блоке, — добавил Хартманн. — Одиночка.

— Шесть лет в одиночке, — Фелпс покачал головой. — Это ж какая психика должна быть.

— У финансистов она особая, им на людей плевать, главное — цифры, — заметил Барретт.

Аэродром встретил их ровным гулом силовых установок. Это была закрытая территория ССБС, обнесённая трёхметровым барьером, с единственным КПП, где дежурили двое вооружённых охранников. Автомобиль притормозил у шлагбаума, Хартманн приложил палец к сканеру, система считала идентификатор, и створка ушла вверх. Барретт заехал на служебную парковку у здания лётного терминала — длинного приземистого строения из серого композита с панорамными окнами, выходившими на лётное поле.

Заглушив двигатель, все трое выбрались из машины и направились ко входу. Внутри терминала было прохладно, пахло озоном от работающих сканеров и машинным маслом. Дежурный офицер — немолодой лейтенант с нашивками технической службы — сидел за стойкой и лениво просматривал что-то на планшете.

— Капитан Хартманн, транспортный отдел, — представился Эрик, кладя на стойку своё удостоверение. — Борт «Свифт». Должен быть готов к вылету.

Лейтенант мельком глянул на документ, пробежался пальцами по сенсорной панели.

— «Свифт»... малый курьерский, модель «4202». Дальность — до пятидесяти световых, прыжковый привод третьего поколения. Прошёл предполётное обслуживание вчера в двадцать ноль-ноль. Замечаний нет. — Он вытащил из ячейки под стойкой небольшой пластиковый пенал и протянул Хартманну. — Ключи активации. Два комплекта — основной и резервный. Плюс код доступа к рубке. Стоянка номер двенадцать, дальний край поля. Кар найдёте у выхода на перрон, третий слева. Как вернётесь — ключи сдать сюда же.

— Принято, — Хартманн взял пенал, сунул в нагрудный карман. — Благодарю.

Они вышли через автоматические двери на перрон. Лётное поле гудело: где-то справа прогревал двигатели транспортный борт, слева техники в комбинезонах сутились вокруг штурмового катера, сняв с него обшивку. На стоянках рядами стояли корабли разных классов — от лёгких курьеров до тяжёлых конвойных судов, способных нести десант.

Фелпс нашёл кар первым — маленький открытый электромобиль на четыре места, предназначенный для перемещения по лётному полю. Барретт сел за руль, и они покатали вдоль линии стоянок, мимо гудящих двигателей и сигнальных огней.

— Двенадцатая, — сказал Барретт, сворачивая к дальнему краю.

«Свифт» стоял особняком, у самого периметра, под одиноким осветительным пилоном. Маленький, угловатый, выкрашенный в матовый тёмно-синий цвет с эмблемой ССБС на борту. Он походил на хищную рыбу, затаившуюся перед броском. Рядом с ним не было никого — только бетон, разметка и тихий гул стартовых площадок где-то вдали.

Барретт остановил кар. Все выбрались.

— Ну что, — сказал Фелпс, оглядывая «Свифт», — наша красавица. Три года вместе, и всё как новая.

— Потому что я её вовремя обслуживаю, — сказал Барретт, обходя корабль по периметру.

Хартманн поднялся по трапу, вставил ключ-активатор в гнездо шлюза, набрал код. Панель ожила, загорелась зелёным. Шлюз открылся. В рубке было тесно, но функционально — три кресла, приборная панель, навигационный терминал. Кормовой отсек — два спальных места, шкафы для снаряжения, шлюз. Отдельное купе для сопровождаемого лица. Всё компактное, эргономичное, без излишеств.

— Диагностика — зелёная, — доложил Барретт, усаживаясь в кресло пилота. — Двигатели в норме, прыжковый привод стабилен. Навигация загружена. Связь — полный спектр.

— Снаряжение на борту, — добавил Фелпс. — Закреплено.

Хартманн занял командирское кресло, пристегнулся, пробежался взглядом по приборам.

— Барретт, запроси у диспетчера разрешение на взлёт.

Барретт переключил канал связи.

— Вышка, это борт «Свифт», стоянка двенадцать. Запрашиваю разрешение на взлёт по плану. Назначенный курс — орбитальный сектор семь, дальше точка прыжка на «Дельфин».

В динамике зашипело, затем раздался сухой голос диспетчера:

— «Свифт», вышка. Вас наблюдаю. Взлёт разрешаю. Коридор три-альфа, эшелон — двадцать тысяч. После отрыва — переход на орбитальный канал связи. Удачи.

— Принято, вышка. Коридор три-альфа, эшелон двадцать. «Свифт» — взлетаю.

Барретт отключил внешнюю связь и обернулся к Хартманну.

— Разрешение получено.

— Тогда по местам, — скомандовал Хартманн. — Взлетаем.

«Свифт» оторвался от площадки ровно в десять ноль-ноль. Двигатели взвыли, набирая мощность, и маленький корабль свечой ушёл в серое небо. Аврора внизу быстро превращалась в зелёно-голубую сферу, подёрнутую облаками. Хартманн проводил её взглядом и активировал навигацию.

— Курс на «Дельфин». Прыжок через сорок минут.

— Принято, — кивнул Барретт.

— А пока, — Хартманн достал папку с личным делом заключённого, — давайте еще раз посмотрим, кого мы везём.

Голограмма Вандерхофа повисла над планшетом — худое лицо, острые скулы, короткие волосы с проседью, насмешливый взгляд. Хартманн пролистнул данные.

— Стивен Вандерхоф. Сорок семь лет. Уроженец Гелиопольской Конфедерации. Доктор финансовых наук. Одиннадцать лет работал на «Семь Колец». Вёл всю бухгалтерию. Через него проходили суммы, сопоставимые с бюджетом небольшой планеты.

— И не попался? — удивился Фелпс.

— Ни разу. Налоговая трижды подавала на него в суд — трижды он выигрывал. Шесть лет назад АРП завербовало его, он сдал какие-то данные, после чего его и упрятали в «Дельфин».

— Почему?

— В папке не сказано. Но сидит он там до сих пор. Теперь — трибунал.

— Не все рассказал, значит, — протянул Фелпс.

— Именно, — Хартманн закрыл папку.

«Свифт» лёг на курс. Сорок минут до прыжка. Впереди была Федеральная тюрьма «Дельфин» — первая точка маршрута.

Хартманн смотрел в иллюминатор на убегающие звёзды. Что-то скребло на краю сознания, но он отбросил это чувство. Стандартный маршрут. Стандартный конвой. Стандартная работа. Всё, как всегда.

— Точка прыжка через три минуты, — доложил Барретт.

— Принято. Всем приготовиться.

«Свифт» приблизился к невидимой границе, где обычное пространство смыкалось с нуль-измерением. Обратный отсчёт побежал на экране. Пространство схлопнулось — и корабль ушёл в прыжок.

Глава 2 Стивен Вандерхоф

«Свифт» вышел из прыжка на дальних подступах к астероидному поясу. Барретт сбросил скорость и повёл корабль по дуге, огибая крупные обломки. Навигационный компьютер послушно выстраивал траекторию, подсвечивая на экране россыпь каменных глыб, медленно дрейфующих в пустоте.

Тюрьма «Дельфин» висела на одном из крупнейших астероидов — бесформенной скале диаметром около восьми километров. Когда-то здесь была горнодобывающая станция, но через десять лет после закрытия шахт Федерация выкупила астероид и перестроила его под пенитенциарное учреждение особого режима. Строили на совесть — вгрызались в скалу, укрепляли стены, монтировали автономные системы жизнеобеспечения. Получилась тюрьма, из которой не сбежал ещё ни один заключённый. По крайней мере, так гласила официальная статистика.

— Красавица, — прокомментировал Фелпс, глядя на приближающийся астероид. — Прямо курорт. Свежий воздух, панорамный вид на космос, уютные номера с удобствами.

— Воздуха там нет, — отозвался Барретт. — Только искусственный. И панорамный вид — из шлюза, перед выбросом.

— Ты, как обычно, такой романтик.

— Да, это я.

Хартманн связался с диспетчерской тюрьмы. На экране появилось лицо женщины в форме Федеральной пенитенциарной службы — сухое, профессиональное, с тёмными кругами под глазами. Работа в «Дельфине» не красила лица.

— Борт «Свифт», Специальная Служба Безопасности Сената. Прибыли за заключённым. Позывной — «Конвой-семь». Запрашиваю разрешение на стыковку.

— «Конвой-семь», диспетчерская «Дельфина». Вас наблюдаем. Код подтверждения?

Хартманн продиктовал двенадцатизначный код из папки Греко. Пауза. Женщина сверилась с чем-то за пределами экрана.

— Код подтверждён. Стыковка разрешена. Шлюз номер три, сектор специального содержания. Вас встретят. Конец связи.

«Свифт» начал манёвр сближения. Барретт работал плавно, без лишних движений — отключил маршевый двигатель, перешёл на маневровые, выровнял корабль по оси стыковочного узла. На экранах навигации «Дельфин» рос с каждой секундой: серая, изрытая кратерами скала, опутанная сетью труб и кабелей, с ошестинившимися антеннами и турелями. Тюремный комплекс вгрызлся в астероид, как паразит в тело мёртвого зверя. Только огни сигнальных маяков и тусклые иллюминаторы на поверхности скалы говорили о том, что внутри теплится жизнь.

— Сто метров, — доложил Барретт. — Скорость сближения — ноль-два метра в секунду. Корректирую по вектору.

— Аккуратнее, — заметил Фелпс из кормового отсека. — Обшивку не поцарапай.

— Если что — поможешь мне красить, — отозвался Барретт, не отрываясь от приборов. — Пятьдесят метров. Захожу в зону магнитных захватов.

Стыковочный рукав номер три уже был выдвинут — массивная гофрированная труба, оканчивающаяся стыковочным узлом с сигнальными огнями. Он покачивался в такт едва заметным вибрациям астероида. Барретт мягко подвёл «Свифт» кормой, корректируя ориентацию короткими импульсами. На экране побежали данные телеметрии — расстояние, скорость, угол.

— Десять метров. Пять. Два... Контакт.

Корабль вздрогнул, когда магнитные захваты сомкнулись на стыковочном узле. По обшивке прокатился низкий металлический гул. На пульте зажёгся зелёный индикатор.

— Захват подтверждён. Герметизация... есть. Давление в переходном шлюзе — в норме. Можем открывать.

Экран погас. Хартманн отстегнул ремни.

Они вышли через шлюз в стыковочный рукав. Коридор был вырублен прямо в скале — серые стены с потёками от старых протечек, тусклые лампы в защитных решётках, кабели, собранные в жгуты под потолком. Воздух пах озоном от систем безопасности и чем-то кислым — то ли дезинфекцией, то ли старой изоляцией. Под ногами гудели вибрации: где-то глубоко в недрах астероида работали насосы и генераторы.

В конце коридора их ждали трое. Двое охранников в форме ФПС с автоматами на изготовку — молодые, напряжённые, с цепкими взглядами. Третий — грузный мужчина лет пятидесяти с капитанскими нашивками — стоял, заложив руки за спину. У него было лицо человека, который слишком много лет проработал в тюрьме и разучился улыбаться. Нашивка на груди гласила: «Капитан Ковач, начальник смены».

— Капитан Хартманн, ССБС, — представился Эрик, протягивая удостоверение. — Мы за заключённым Вандерхофом.

Ковач взял удостоверение, долго изучал его, затем вернул.

— Вас ждали. Приказ пришёл вчера. Следуйте за мной.

Он развернулся и зашагал по коридору, не оборачиваясь. Охранники пристроились по бокам. Хартманн и Фелпс двинулись следом.

— Как наш пациент? — спросил Хартманн.

Ковач хмыкнул, не оборачиваясь.

— Вандерхоф? Тише воды. Читает, пишет, шутит. Охрана его терпеть не может.

— Почему?

— Потому что он с ними разговаривает. Часами. О налогах, о финансах, о том, как оптимизировать семейный бюджет. Пару месяцев назад он помог сержанту Морено заполнить годовую декларацию. Морено получил возврат на тысячу двести кредитов и теперь ходит за ним как собачонка.

— То есть он полезный, — заметил Фелпс.

— Он манипулятор, — отрезал Ковач. — Морено теперь считает его лучшим другом. А Вандерхофу просто скучно. Когда умному человеку скучно, он начинает развлекаться с теми, кто рядом. А рядом с ним — мои люди. И мне это не нравится.

Они прошли через массивные гермодвери с надписью «Блок С» — специальное содержание. Здесь коридор стал уже, а лампы — ярче. У каждой двери висели сканеры биометрии. Ковач приложил палец к очередному замку, набрал код. Дверь с шипением ушла в стену.

— Комната передачи. Заключённый уже там.

Комната была маленькой — три на четыре метра. Голые серые стены, стол, привинченный к полу, два стула. Никаких окон. Под потолком — лампа в защитном плафоне и камера наблюдения с мигающим красным огоньком. Воздух здесь был ещё более спёртым, чем в коридоре.

За столом, закинув ногу на ногу и откинувшись на спинку стула, сидел человек в серой тюремной робе.

Стивен Вандерхоф выглядел именно так, как на голограмме из личного дела — и одновременно совершенно иначе. Голограмма фиксировала черты: худое лицо, острые скулы, короткие тёмные волосы с проседью, насмешливый прищур глаз. Но она не передавала выражения. А выражение было — как у человека, который знает что-то такое, чего не знает никто в этой комнате, и это знание его забавляет.

В руках он держал инфопланшет — древний, потёртый, с трещиной в углу экрана. Хартманн успел заметить, что на экране открыта таблица с колонками цифр. Какой-то финансовый отчёт.

Вандерхоф поднял голову. Его глаза пробежались по вошедшим — быстро, цепко, оценивающе. Он отложил планшет и изобразил на лице выражение, которое с некоторой натяжкой можно было назвать радостным.

— О, — произнёс он тоном человека, встретившего старых друзей в баре. — Специальная Служба Безопасности Сената. Вы пришли, чтобы скрасить моё одиночество? Или Федерация наконец решила потратить мои налоги с умом?

Хартманн шагнул вперёд, игнорируя приветствие.

— Заключённый Вандерхоф, Стивен. Дата рождения — двадцать третье марта, сорок семь лет. Уроженец Гелиопольской Конфедерации. Приговорён к заключению по статьям сто семнадцать-А, двести пять-В и триста десять-Г. Содержитесь в тюрьме «Дельфин» в ожидании суда. Всё верно?

— Абсолютно, капитан, — Вандерхоф кивнул. — Хотя должен заметить, что статья триста десять-Г — это уклонение от уплаты налогов, и она технически неверна. Я не уклонялся. Просто налоговая служба не могла их взыскать. Это принципиально разные вещи.

— Это суд решит.

— Суд? — Вандерхоф усмехнулся. — Вы знаете, капитан, я жду суда уже шесть лет. За это время я прочитал всё, что есть в тюремной библиотеке. Дважды. Знаете, что я понял? Суд — это форма оптимизации. Только не финансов, а справедливости. И оптимизируют её в чью-то пользу.

Хартманн не ответил. Он вытащил из планшета приказ и зачитал вслух:

— «Приказ номер семь-четыре-один. Настоящим предписывается капитану Хартманну Эрику, сержанту Барретту Лиаму и капралу Фелпсу Маркусу осуществить транспортировку заключённого Вандерхофа Стивена из Федеральной тюрьмы „Дельфин“ на столичную планету Аврора для дачи показаний на закрытом заседании специального трибунала. Маршрут утверждён. Способ транспортировки — курьерский корабль „Свифт“. Ответственность за жизнь и здоровье заключённого возлагается на капитана Хартманна».

— «Жизнь и здоровье», — повторил Вандерхоф с видимым удовольствием. — Приятно, когда есть кто-то, кто о тебе позаботится. А то я уже устал делать все сам.

— Встать, — приказал Хартманн.

Вандерхоф вздохнул и поднялся. Он был выше, чем казался сидя, — под метр восемьдесят. Роба висела на нём мешком, но двигался он легко, без скованности, как человек, который не привык сутулиться. Тюремная обувь — мягкие тапочки на резиновой подошве — шаркала по бетонному полу.

— Руки вперёд.

— О, ограничители? Серьёзно? — Вандерхоф с интересом посмотрел на устройства, которые Фелпс извлёк из кофра. — Я польщён. Знаете, за шесть лет здесь меня водили в наручниках всего трижды. И все три раза — на свидания с адвокатом. Адвокат, кстати, был абсолютно некомпетентным. Вы не поверите, сколько Федерация платит государственным защитникам. Я как-то посчитал — если бы мне платили столько же за час работы, сколько ему, я бы легально заработал столько же, сколько нелегально. Почти.

Барретт молча защёлкнул ограничители на запястьях Вандерхофа. Тихий электронный сигнал подтвердил активацию.

— Новая модель, — прокомментировал Вандерхоф. — Шесть лет не надевал ничего нового.

Хартманн пропустил это мимо ушей.

— Фелпс, обыщи его.

— С удовольствием, — сказал Фелпс и шагнул к заключённому.

Обыск был тщательным и профессиональным. Фелпс проверил карманы робы, швы, подкладку, воротник. Прошёлся сканером вдоль тела — от плеч до щиколоток. Вандерхоф терпеливо стоял, подняв руки, и наблюдал за процессом с лёгкой усмешкой.

— А этот, с квадратной челюстью, — обратился он к Хартманну, кивая на Фелпса, — он для переговоров или для силового воздействия?

— Для всего сразу, если не заткнёшься, — ответил Фелпс, не отрываясь от сканера.

— Кратко и ёмко. Мне нравится. Вы, ребята, элита ССБС, да? Специальная группа? Я слышал, вас готовят по особой программе.

— Заткнись, — повторил Фелпс.

— Уже заткнулся. Вопрос был риторический.

Сканер пискнул. Фелпс выпрямился.

— Чисто. Никаких посторонних предметов. Никаких вживлённых устройств. По крайней мере в пределах чувствительности сканера.

— А что, должны быть? — Вандерхоф изобразил удивление. — Я думал, меня просто везут давать показания. Или есть что-то, чего я не знаю?

Хартманн проигнорировал и этот вопрос.

— Капитан Ковач, — повернулся он к начальнику смены, — документы на передачу.

Ковач достал планшет. Два офицера склонились над экраном, сверяя данные. Процедура была стандартной: номер заключённого, биометрические данные, медицинская карта, опись личных вещей. Личных вещей у Вандерхофа не было — только тот самый инфопланшет с финансовым отчётом, который он читал.

— Это его? — спросил Хартманн.

— Его, — кивнул Ковач. — Единственное, что ему разрешили иметь. Там нет доступа к сети, только локальные файлы. В основном налоговая отчётность за старые годы. Он её коллекционирует.

— Я не коллекционирую, — возразил Вандерхоф. — Я изучаю. Это как археология, только вместо черепков — финансовые проводки. Знаете, сколько интересного можно найти в годовом отчёте фармакологической корпорации? Очень много. Особенно если знать, куда смотреть.

Хартманн взял планшет, мельком глянул на экран. Таблицы, графики, колонки цифр. Ничего интересного. Он сунул планшет в сумку для вещдоков.

— Распишитесь, — сказал Ковач, протягивая стилус.

Хартманн расписался в трёх местах. Ковач — в трёх других. Документы были оформлены. Вандерхоф официально переходил под ответственность капитана Хартманна и его группы.

— Удачи, капитан, — сказал Ковач, убирая планшет. Его голос прозвучал глухо, без обычного дежурного оптимизма. Он посмотрел на Хартманна долгим взглядом и добавил: — Она вам понадобится.

Хартманн задержал на нём взгляд.

— Почему вы так говорите?

Ковач помедлил.

— Потому что я много лет работаю в этой дыре. Насмотрелся уже на всяких зеков. Но этот парень непростой.

— Ничего не поделаешь, у нас приказ.

— У всех есть приказы, — сказал Ковач и повернулся к охранникам. — Открыть дверь. Выпустить конвой.

На мгновение в комнате повисла тишина. Затем Хартманн кивнул.

— Ведите заключённого.

Фелпс взял Вандерхофа за плечо и подтолкнул к выходу. Тот повиновался без сопротивления — шёл легко, будто на прогулку.

— До свидания, капитан Ковач, — бросил он через плечо. — Передайте сержанту Морено, что я проверил его декларацию за прошлый год. Там ошибка в графе «медицинские расходы». Пусть перепроверит. Ему должны ещё триста сорок кредитов.

Ковач ничего не ответил. Только проводил их взглядом, стоя в дверях комнаты передачи.

В стыковочном рукаве эхо шагов отдавалось от каменных стен. Вандерхоф шёл впереди, Фелпс — рядом, Хартманн — чуть позади. Впереди уже виднелся шлюз «Свифта» и силуэт Барретта, который ждал их, стоя у входа.

— Уютный у вас кораблик, — заметил Вандерхоф, разглядывая «Свифт». — Модель «4202», если не ошибаюсь? Третье поколение прыжковых двигателей, дальность — до пятидесяти световых. Стандартный экипаж — три человека. Я такие изучал, когда консультировал одну транспортную компанию по лизингу. Хорошая машина. Надёжная. Если не попадать на ней в засаду.

— Заводи его внутрь, — приказал Хартманн Фелпсу.

Фелпс подтолкнул Вандерхофа к шлюзу. Заключённый перешагнул порог и огляделся в тесном кормовом отсеке с таким видом, будто оценивал недвижимость перед покупкой. Фелпс открыл узкую дверь сразу справа от шлюза — маленькую каюту для сопровождаемых лиц. На «Свифте» она использовалась как камера: два на полтора метра, койка, откидной столик, привинченный к переборке, и тусклый плафон под потолком. Никаких иллюминаторов. Никаких лишних предметов.

— Уютно, — прокомментировал Вандерхоф, заходя внутрь. — Отдельный номер. Я польщён. В «Дельфине» у меня была камера попросторнее, но тут хотя бы без плесени. Жалко бассейна нет.

— Садись, — сказал Фелпс, указывая на койку.

Вандерхоф сел. Фелпс вытащил из настенного крепления гибкий страховочный трос с карабином, пропустил его через скобу на столе и защёлкнул на ограничителях. Теперь заключённый мог либо сидеть за столом, либо лежать на койке — длины троса хватало ровно на эти два положения, не больше.

— Серьёзный подход, — заметил Вандерхоф, пробуя трос на натяжение. — Значит, в галльон — только по вызову?

— Именно, — кивнул Фелпс. — Захочешь отлить — кричишь. Кто-нибудь подойдёт, отстегнёт, проводит. Попытаешься дернуться — трос укорочу так, что будешь только лежать и смотреть в потолок. Усёк?

— Усёк, — Вандерхоф поднял руки, насколько позволяли ограничители. — Кстати, о вызове. А если мне понадобится не в галльон, а, скажем, кофе? У вас на борту есть кофе?

— Ты в тюрьме шесть лет хлебал баланду, — напомнил Фелпс. — Потерпишь.

— Баланду, — Вандерхоф мечтательно закатил глаза. — Знаете, капрал, баланда — это не просто еда. Это образ жизни. Но после шести лет хочется кофе, хотя бы растворимого. Я не привередлив.

— Разговорчики, — оборвал Хартманн, появляясь в дверях каюты. — Твоя задача — сидеть тихо и не доставлять проблем. Вопросы есть?

— Один, — Вандерхоф поднял палец. — Капитан, а куда именно мы летим? Я имею в виду — какой маршрут?

Хартманн посмотрел на него долгим взглядом.

— Тебе это знать не обязательно.

— Ну, как же, — Вандерхоф улыбнулся. — Я люблю знать маршрут. Это профессиональная привычка. Бухгалтер всегда должен знать, куда движутся деньги. А деньги, капитан, всегда куда-то движутся. Даже если вам кажется, что они стоят на месте.

Хартманн не ответил. Он закрыл дверь каюты и повернулся к Фелпсу.

— Первая вахта твоя. Я сменю через четыре часа.

— Принято, — кивнул Фелпс, усаживаясь на откидной стул у двери каюты.

За дверью было тихо. Вандерхоф молчал. Может быть, изучал стол. Может быть, считал заклёпки на переборке. А может быть, просто ждал.

Хартманн повернулся к Барретту.

— Отстыковка. Уходим.

Барретт кивнул и скрылся в рубке. Через минуту «Свифт» вздрогнул — магнитные захваты отпустили шлюз. Корабль мягко отошёл от астероида и лёг на курс к первой точке маршрута — торговой станции «Кассиопея».

Вандерхоф сидел на койке и смотрел в стену. На его лице играла лёгкая улыбка — непонятная, неуместная, будто он знал что-то, чего ещё не знали его конвоиры.

—

Коридоры управления опустели. Основной поток офицеров схлынул ещё час назад — кто-то разъехался по домам, кто-то заступил в ночную смену, кто-то засел в оперативном зале над сводками. Дневной гул сменился вязкой тишиной, в которой каждый звук разносился далеко и гулко: шаги, щелчок закрывающейся двери, приглушённый гул кондиционеров.

На третьем этаже горели только дежурные лампы. Полковник Роберт Хейз задержался в своём кабинете. На столе перед ним лежал терминал с погашенным экраном, стакан с водой и тонкая пластиковая папка с единственной строкой на маркировке: «Конвой-семь». Он только что получил подтверждение: «Свифт» движется по расписанию. Курс — на «Кассиопею».

Хейз сидел в кресле, откинувшись на спинку, и смотрел в окно. За панорамным стеклом угасал серый день — дождь давно стих, и сквозь рваные облака пробивались последние лучи заходящего солнца. Огни правительственного квартала зажигались один за другим. Красиво. Спокойно. Он любил этот вид. За пятнадцать лет службы он так и не привык к нему настолько, чтобы перестать замечать. Он позволил себе на мгновение представить будущее. Кресло начальника службы безопасности «Хелиос» — не этот казённый стул, а настоящее кожаное кресло, в кабинете с панорамным видом на парки Веги-Прайм. Зарплата, от которой у любого полковника ССБС округлились бы глаза. Собственная вилла в зелёном пригороде. Вся его жизнь — пятнадцать лет службы, бессонные ночи над сводками, бесконечная бюрократическая грызня с Флотом за бюджеты — наконец окупится.

Он проверил время и достал из нижнего ящика стола защищённый коммуникатор. Устройство было небольшим, с матовым корпусом. Хейз откинул крышку, коснулся сенсора активации и набрал номер по памяти. Он никогда не записывал этот номер, но помнил его так же ясно, как дату собственного рождения. Этот номер был его билетом в богатое будущее, а такие вещи не забывают.

Он нажал вызов и стал ждать.

Гудок. Второй. На четвёртом — соединение.

— Добрый вечер, господин Хэвенс, — произнёс Хейз, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно, но без фамильярности. — Это полковник Хейз. Надеюсь, не отрываю вас от дел?

Голос в ответ был густым, с лёгкой хрипотцой — голос пожилого человека, привыкшего к почтительности:

— Полковник! Рад слышать вас. Какие новости из столицы? Как там погода?

— Дожди, господин Хэвенс. Третьи сутки. Сыро, серо. Скучаю по вашей Веге-Прайм. Говорят, у вас сейчас чудесный сезон.

— О, не жалуемся. Парки цветут, воздух — как вино. Жена третью неделю зовёт на виллу, но дела не отпускают. Вы ведь помните нашу виллу? Я, кажется, приглашал вас, когда вы были у нас с инспекцией в прошлом году.

— Как не помнить, господин Хэвенс. Потрясающее место. Ваш сад — это что-то невероятное. Надеюсь, когда все формальности утрясются, я смогу наконец воспользоваться вашим приглашением. И, признаться, с нетерпением жду возможности обсудить наше общее будущее. Вы упоминали, что место ещё вакантно.

Хэвенс тихо рассмеялся:

— Ваше место, полковник, ждёт не дожждётся, когда вы его займёте. Я помню про наш уговор. И жду от вас самых активных действий. Вы же понимаете — совет директоров должен увидеть результат, прежде чем утвердить назначение. Но я со своей стороны сделаю всё, чтобы рекомендация была положительной. Вы меня знаете.

— Разумеется, господин Хэвенс. Именно поэтому я и звоню. — Хейз сделал короткую паузу, переходя к делу: — Наш общий знакомый в пути. Он только что покинул «Дельфин». Маршрут стандартный, следующая остановка — торговая станция «Кассиопея». Расчётное время прибытия — через шесть часов. Я бы рекомендовал встретить его там.

В трубке повисла пауза. Когда Хэвенс заговорил снова, в его голосе появились металлические нотки:

— Шесть часов, полковник? Маловато. Очень маловато. Нельзя было позвонить раньше?

— Простите, мистер Хэвенс, — голос Хейза остался ровным, но пальцы, сжимавшие коммуникатор, чуть побелели. — Я должен был убедиться, что объект стартовал с «Дельфина» и движется по маршруту. Звонить до того, как я получил подтверждение, было бы... опрометчиво.

— Хорошо, полковник, — в голосе Хэвенса всё ещё слышалось недовольство, но он явно взял себя в руки. — Надеюсь, мы успеем. Вы уверены, что информация точна?

— Абсолютно. Источник проверенный.

— Хорошо. Я передам кому следует. Никаких следов, полковник. Работайте чисто.

— Разумеется.

— Благодарю за звонок. — В голосе Хэвенса послышалось что-то похожее на одобрение, смешанное с угрозой. — Вы, как всегда, предусмотрительны. Это качество я особенно ценю. Что ж, не буду вас задерживать. Передавайте привет столице. И не забывайте — ваше место ждёт.

— Непременно, господин Хэвенс. Всего доброго.

Коммуникатор пискнул и отключился. Хейз ещё несколько секунд смотрел на погасший экран, затем убрал устройство обратно в ящик и запер его на ключ. Папку с маркировкой «Конвой-семь» он отправил в шредер под столом — аккуратно, не торопясь, как делал десятки раз до этого.

Из кабинета он вышел через пять минут — прямой, подтянутый, с безупречной выправкой. Дежурному офицеру кивнул сухо и вежливо, пожелал хорошего вечера и направился к лифту. В лифте он позволил себе единственную слабость — прикрыл глаза и медленно выдохнул. Шесть часов. Скоро всё должно закончиться. И тогда он наконец сможет забыть о Вандерхофе, о Хартманне и об этом проклятом конвое. Останется только уйти в отставку, подписать контракт с «Хелиос» — и начать новую жизнь. В десять раз лучше прежней.

Двери лифта открылись. Хейз вышел в вестибюль, прошёл мимо охраны и скрылся в дверях служебного выхода. Снаружи снова начинался дождь.

—

Башня фармакологической корпорации «Хелиос» возвышалась над деловым кварталом Вега-Прайм на сто десять этажей — чёрное зеркальное стекло, золотые логотипы на трёх языках, панорамные лифты, скользящие вдоль внешней стены с видом на бескрайние парки и лесополосы, разрезанные лентами транспортных магистралей. Сектор Вега был богатейшим промышленным и научным регионом на границе освоенного космоса, и «Хелиос» не без осно-

ваний считал себя его жемчужиной, контролируя до двадцати процентов всего рынка лекарственных препаратов Федерации.

Отдел корпоративной безопасности занимал шесть этажей в середине башни — с пятидесятого по пятьдесят пятый. Здесь было меньше позолоты и больше металла. Серые стены, защищённые каналы связи, сканеры биометрии на каждой двери. Сотрудники СБ «Хелиос» носили строгие костюмы без опознавательных знаков, но под пиджаками у многих скрывались кобуры с табельными «Хеклерами». Корпорация имела лицензию на вооружённую охрану и активно ею пользовалась.

Кендзи Такахаси, начальник оперативного отдела, сидел в своём кабинете на пятьдесят втором этаже. Кабинет был маленьким и функциональным — стол, терминал, шкаф с оружием за кодовым замком. Никаких фотографий, никаких личных вещей, кроме старой армейской кружки с потёртой эмблемой Флота. Такахаси было сорок два года. Он был сухощав, подтянут, с коротко стриженными тёмными волосами и лицом, которое редко выражало что-либо, кроме спокойной сосредоточенности. Десять лет военной службы, ещё десять — в корпоративной безопасности. Он прошёл дюжину военных операций, прежде чем «Хелиос» перекупил его у Флота, предложив сумму, от которой он не смог отказаться.

Сейчас он просматривал сводки, когда дверь приоткрылась и в проёме показалась голова Рика Танаки — его заместителя и единственного человека в отделе, с кем Такахаси позволял себе неформальное общение.

— Шеф, тебя Хэвенс вызывает.

Такахаси поднял глаза.

— В такой час? Он обычно в это время уже в ресторане.

— Видимо, сегодня без ресторана. — Танака хмыкнул. — Сказал, срочно. По голосу — то ли напуган, то ли важничает. Скорее, и то и другое.

— Это его обычное состояние.

Танака шагнул в кабинет и прикрыл за собой дверь.

— Как думаешь, что на этот раз? Очередная «стратегическая инициатива»? Он вчера разослал всем меморандум про «повышение эффективности через позитивное мышление». Я прочитал два абзаца — это же форменный бред.

— Я не читал, — сказал Такахаси, выключая терминал.

— Зря. Там был абзац про то, что каждая операция должна «резонировать с корпоративными ценностями». Что это вообще значит?

— Эх, Танака, мы уже почти год работаем с новым шефом, а ты до сих пор не понял его методы? Это значит, что наша работа в службе безопасности должна выглядеть как забота о здоровье человечества.

Танака фыркнул.

— Кстати, ты видел сегодня его секретаршу? — Танака многозначительно поднял бровь. — Она пришла в таком платье, что урок биологии можно проводить прямо в приёмной. Наглядное пособие по анатомии, во всех подробностях.

— Меня не интересует его секретарша.

— А зря. Она — единственная, кто умеет заставить его подписать документы вовремя. Правда, методы у неё не совсем стандартные. — Танака подмигнул. — Ладно, иди. Не заставляй Его Величество ждать.

Такахаси поднялся, одёрнул пиджак и вышел в коридор. До лифта он шёл пешком — пятьдесят второй этаж, лестница, ещё три пролёта вверх. Кабинет Хэвенса находился на пятьдесят пятом, рядом с апартаментами высшего руководства. Чем выше, тем роскошнее становились интерьеры. На пятьдесят пятом коридоры были отделаны натуральным деревом, на стенах висели картины местных художников, а воздух пах чем-то цветочным — не то орхидеями, не то специальным ароматизатором, который закупали для приёмных директоров.

Приёмная Хэвенса была большой и светлой. Панорамное окно во всю стену открывало вид на городской парк — зелёное море, подёрнутое золотистой дымкой заходящего солнца. Среди крон тут и там поблёскивали зеркальные крыши невысоких административных зданий. Белый кожаный диван, журнальный столик с глянцевыми корпоративными буклетами. За стойкой ресепшена сидела та самая секретарша — блондинка с идеальной укладкой, в облегающем платье цвета фуксии. Она говорила по гарнитуре, но, судя по голосу, разговор был не совсем деловым.

— Ну, Джулиан, я же вся горю... Да, после совещания... Конечно, я забронировала столик... Нет, то платье я ещё не надевала... — Она заметила Такахаси и сменила тон на более официальный: — Господин Хэвенс, к вам агент Такахаси.

Такахаси стоял молча, глядя в окно. Секретарша выслушала ответ, поправила волосы и одарила его профессиональной улыбкой:

— Проходите. Господин Хэвенс вас ждёт.

— Благодарю.

Кабинет Хэвенса был значительно больше, чем у Такахаси. Огромный стол красного дерева, кожаное кресло, личный бар с хрустальными графинами, голографический глобус Веги-Прайм в углу. На стене — портрет основателя «Хелиос» в золотой раме. На столе — фотография самого Хэвенса с пожилым мужчиной в дорогом костюме. Такахаси знал этого человека: Эдвард Хэвенс, член совета директоров, родной дядя Джулиана и единственная причина, по которой этот слизняк вообще попал в такой кабинет.

Джулиан Хэвенс возлежал в своём кресле, как император на троне. Ему было двадцать восемь. Пухлые щёки, мягкий подбородок, волосы, уложенные гелем в модную причёску. Костюм сидел на нём немного мешковато — дорогой, но будто с чужого плеча. На столе перед ним стоял стакан с чем-то зелёным — смузи из водорослей, догадался Такахаси. Хэвенс помешал соломинкой и поднял глаза.

— Такахаси. Проходите, садитесь.

Такахаси сел. Хэвенс отпил смузи, поморщился — то ли от вкуса, то ли от важности момента — и отставил стакан.

— У нас проблема, — начал он. — Точнее, не проблема, а... ситуация. Деликатная.

— Я слушаю.

— Сегодня из Федеральной тюрьмы «Дельфин» вывезли одного заключённого. Некого Стивена Вандерхофа. Бухгалтер. Работал на «Семь Колец», потом пошел на сделку с АРП. Шесть лет сидел и ждал суда. Теперь вот дождался.

— Я знаю, кто такой Вандерхоф, — ровно сказал Такахаси. — Бывший финансовый стратег наркосиндиката. Если он заговорит на трибунале, у нас будут серьёзные проблемы.

Хэвенс нервно помешал смузи.

— Дядя Эдвард сказал то же самое. Почти слово в слово. В общем, есть мнение, что этому Вандерхофу не стоит добираться до трибунала.

— Ликвидация?

Хэвенс вздрогнул, будто Такахаси произнёс неприличное слово.

— Ну, зачем же так грубо... Скажем так — предотвращение нежелательного развития событий.

— Это называется ликвидация, господин Хэвенс. И я могу её организовать. — Такахаси чуть наклонился вперёд. — Что известно о конвое? Маршрут? Состав? Прикрытие?

Хэвенс оживился — здесь он чувствовал себя увереннее, потому что мог пересказать информацию, полученную от дяди.

— Мне сообщили, что конвой идёт по стандартному маршруту. Борт — курьерский корабль ССБС «Свифт». Экипаж — три человека, офицеры транспортного отдела. Никакого

эскорта. Они уже забрали Вандерхофа с «Дельфина» и сейчас направляются к торговой станции «Кассиопея». Расчётное время прибытия — через шесть часов.

Такахаси молча переваривал информацию. Три офицера ССБС — это серьёзно. Транспортный отдел не набирал случайных людей. Без эскорта — хорошо, значит, рассчитывают на скрытность. Стандартный маршрут — плохо для них, хорошо для охотников.

— Значит можно попробовать перехватить их на «Кассиопее»? — спросил он.

— Вот это я и хотел с вами обсудить! — Хэвенс подался вперёд с видом полководца, обдумывающего план битвы. — Что у нас там есть?

— На «Кассиопее» у нас прямой оперативный контакт с охранной фирмой «Эгида», — ответил Такахаси. — Они занимаются сопровождением наших грузов по всему сектору. Иногда оказывают и более деликатные услуги. За отдельное вознаграждение.

— «Эгида»? — Хэвенс наморщил лоб, силясь вспомнить. — Это те, которые...

— Те самые. У них хорошая репутация. Бывшие военные, имеют доступ к флотскому оборудованию. Работают чисто.

— Отлично! — Хэвенс просиял. — Значит, свяжитесь с ними. Пусть сделают то, что нужно. Но — никакой связи с нами. Вы понимаете?

— Понимаю. Я свяжусь с ними немедленно. — Такахаси уже поднялся, но Хэвенс остановил его жестом.

— И вот ещё что, Такахаси. Я хочу, чтобы вы лично контролировали операцию. Не лезьте туда сами, конечно, но будьте в курсе. Вы должны быть как лев, затаившийся в кроне дерева, и отслеживающий добычу. Я понятно выразился?

— Разумеется, господин Хэвенс. Я доложу, как только получу подтверждение от «Эгиды».

Такахаси вышел из кабинета. В приёмной секретарша сняла трубку селектора, и тут же замурыкала в неё вполголоса:

— Да, мой тигр... Ну конечно, мой лев, я помню... Да, вчера было чудесно...

Она заметила Такахаси и на секунду прикрыла трубку ладонью:

— Господин Хэвенс просил передать, что сегодня будет занят. Так что если какие-то срочные вопросы — лучше завтра.

— Непременно, — сухо ответил Такахаси и направился к лифту.

Когда двери лифта закрылись, он достал коммуникатор и набрал Танаку.

— Есть работа, — сказал он без предисловий. — Прямо сейчас свяжись с «Эгидой». Узнай, есть ли у них сейчас люди на «Кассиопее».

— Принято. А что Хэвенс? — раздался голос Танаки в динамике.

— Хэвенс? — Такахаси сделал паузу. — Да ему интереснее трахать свою секретаршу, чем дела компании. Лев, затаившийся на дереве, мать его. Всё, работаем. Конец связи.

Он убрал коммуникатор и посмотрел на своё отражение в зеркальной стене лифта. Оттуда на него глядел усталый человек с лицом, которое не выражало ничего. Шесть часов. Если «Эгида» сработает чисто — проблема исчезнет. Если нет — Такахаси знал, что отвечать за провал придётся ему, а не Хэвенсу. Впрочем, он к этому привык. Он всегда отвечал за всё.

Глава 3 Прямой маршрут

«Свифт» шёл ровно. Барретт вывел корабль из астероидного пояса без происшествий, и теперь они двигались в пустоте, набирая скорость перед первым прыжком к «Кассиопее». Двигатели работали в стандартном режиме, сканеры обшаривали пространство, связь молчала. Нормальный, рутинный рейс.

Хартманн сидел в командирском кресле и просматривал маршрутную карту. Следующие точки: «Дельфин» — «Кассиопея» — Аврора. Стандартный коридор, по которому транспортные суда гоняли еженедельно. Ничего подозрительного. Никаких аномалий. И всё же ощущение, которое появилось ещё на «Дельфине» — когда Ковач слишком мрачно пожелал удачи, — не отпускало. Хартманн привык доверять интуиции. Она редко его подводила.

Фелпс нёс первую вахту у двери каюты Вандерхофа, лениво листая на планшете какой-то технический справочник. Заключённый молчал уже больше часа, и это молчание начинало действовать Фелпсу на нервы. Он привык к шумным объектам — к тем, кто возмущается, угрожает, торгуется. А этот сидел тихо, как мышь, и только изредка постукивал стилусом по экрану своего планшета.

— Капрал, — донёсся из-за двери голос Вандерхофа.

Фелпс поднял голову.

— Чего тебе?

— Будьте добры, позовите капитана.

— Капитан занят.

— Я уверен, что он найдёт минутку для меня. У меня есть важная информация.

— У тебя вся информация важная, — проворчал Фелпс. — Ты мне в прошлый раз полчаса рассказывал про налоговые вычеты.

— Налоговые вычеты — это очень важно, — в голосе Вандерхофа послышалась усмешка. — Особенно для вашего сержанта Барретта. У него, кстати, есть иждивенцы? Я мог бы помочь с декларацией.

— У Барретта нет иждивенцев. У него есть пистолет и дурной характер. И он тебе не сержант, а господин сержант.

— Хорошо, передайте господину сержанту, что я готов проконсультировать его по вопросам налогообложения в свободное от конвоирования время. А пока — позовите капитана. Это действительно важно.

Фелпс вздохнул, отложил планшет и поднялся.

— Если ты опять начнёшь ныть про смену маршрута, я лично тебя заткну. Понял?

— Понял, капрал. Вы очень доходчиво и убедительно умеете доносить информацию.

Фелпс подошёл к рубке и просунул голову в дверь.

— Капитан, наш бухгалтер просит аудиенции. Говорит, важная информация.

Хартманн переглянулся с Барреттом. Тот пожал плечами.

— Ладно, — Хартманн поднялся. — Посиди пока за пультом.

Он подошёл к каюте, открыл дверь и вошёл. Вандерхоф сидел, откинувшись на койке, всё так же пристёгнутый тросом к столу. На лице играла знакомая уже лёгкая усмешка.

— Слушаю.

— Присядьте, капитан. Разговор долгий.

— Я постою.

— Как угодно. — Вандерхоф отложил планшет и сложил руки на столе. — Итак. Вы везёте меня на Аврору прямым маршрутом. «Дельфин» — «Кассиопея» — Аврора. Стандартный коридор. Будет плановая остановка для дозаправки. Я прав?

Хартманн не ответил. Его лицо осталось неподвижным.

— Молчание — знак согласия, — продолжил Вандерхоф. — А теперь слушайте внимательно. Этот маршрут — смерть. Для вас, для ваших людей и, что немаловажно, для меня. Потому что если меня убьют, я уже не получу свои деньги. А я, капитан, очень хочу получить свои деньги.

— Кто нам угрожает?

— Отличный вопрос. — Вандерхоф откинулся к переборке и улыбнулся: — Например — мои бывшие работодатели — «Семь Колец». Они хотят меня убить просто из мести. Особенно Старик. Он человек старой закалки и обид не прощает.

— Старик?

— Элай, — Вандерхоф впервые перестал улыбаться. — Один из боссов «Семи Колец». Никто не знает его фамилии. Те, кто знал, давно мертвы. Он не просто хочет меня убить. Он хочет сделать это лично. Медленно. Наверное, отрезать голову, он это дело любит.

Хартманн скрестил руки на груди.

— Допустим. Что вы предлагаете?

— Теневой маршрут.

— Что?

— Теневой маршрут, — повторил Вандерхоф. — Сеть неофициальных путей. Точки, которых нет на картах Федерации. Пиратские порты, заброшенные верфи, частные станции. Я знаю этот маршрут, потому что «Семь Колец» годами возят по нему свои товары. Ни одна федеральная система не отслеживает эти точки. Если мы пойдём по Теневому маршруту, нас никто не найдёт.

— Если мы пойдём по Теневому маршруту, — медленно произнёс Хартманн, — мы нарушим прямой приказ. А я не нарушаю приказы.

— Даже если приказ ведёт вас в засаду?

— У нас утверждённый маршрут. — Хартманн говорил ровно, но в голосе появился металл. — Плановые точки. Мы идём по ним. И у меня нет оснований доверять преступнику, который одиннадцать лет отмывал деньги наркокартеля.

Вандерхоф усмехнулся, и усмешка получилась на удивление тёплой.

— Я не только отмывал. Я придумал несколько шикарных схем. Могу лекцию прочитать.

— Обойдусь.

— Зря. Вы, военные, мыслите прямо. Приказ — исполнение. А финансы — они как космос: искривляются. Там зажглась новая звезда, тут белый карлик, а здесь черная дыра. Если вы хотите выжить, капитан, вам придётся научиться.

Хартманн развернулся к двери.

— Разговор окончен. Мы идём по утверждённому маршруту.

— Капитан, — голос Вандерхофа прозвучал резко, без обычной насмешки. Хартманн остановился. — Когда нас начнут убивать, вспомните этот разговор. И знайте: у вас ещё будет шанс изменить решение. Надеюсь, не слишком поздно.

Хартманн вышел, закрыл дверь и вернулся в рубку. Фелпс и Барретт ждали.

— Что ему было нужно? — спросил Фелпс.

— Пытался убедить, что наш маршрут — засада. Предлагал идти каким-то «Теневым путём».

— Теневой маршрут? — Барретт поднял голову от сканеров. — Слышал о таком. Контрабандистские тропы. Неофициальные точки, которые не числятся в федеральных реестрах. Половина из них — пиратские порты. Если сунемся, то помощи ждать неоткуда.

— Поэтому мы идём по плану, — отрезал Хартманн. — Точка прыжка через десять минут. Барретт, готовь расчёт.

— Есть.

Прыжок до «Кассиопеи» прошёл без происшествий. Шесть часов стандартного времени. Вандерхоф молчал — то ли писал что-то в своём планшете, то ли просто ждал. Фелпс сменил Барретта за пультом, потом Хартманн сменил Фелпса. Рутинка. Но ощущение тревоги не уходило. Оно висело в воздухе рубки, как запах озона перед грозой.

«Свифт» вышел из прыжка в расчётной точке — в двадцати тысячах километров от «Кассиопеи». Торговая станция висела на орбите газового гиганта — огромное колесо диаметром около километра, медленно вращающееся вокруг центральной оси. Тысячи огней. Десятки кораблей на орбите — транспортники, танкеры, частные яхты. Одна из крупнейших перевалочных баз сектора.

— Вышли из прыжка, — доложил Барретт. — Отклонение ноль два процента. Начинаю стандартное сканирование.

— «Кассиопею» запрашивай. Код доступа — «Конвой-семь».

— Принято.

Барретт переключил канал связи. В динамике зашипело, затем раздался женский голос с лёгким акцентом — уроженка Гелиопольской Конфедерации, определил Хартманн машинально:

— Борт «Свифт», диспетчерская «Кассиопеи». Вас наблюдаем. Подтвердите идентификатор.

Хартманн продиктовал код. Пауза.

— Идентификатор подтверждён. «Свифт», вам назначена стыковка через два часа в доке номер восемь. Расчётное время подлёта — сорок минут. До этого момента ожидайте на внешнем рейде. Канал связи — семь-дельта.

— Принято, диспетчерская. Ожидаем на внешнем рейде.

Хартманн отключил связь и откинулся в кресле. Два часа до стыковки. Час на дозаправку и проверку систем. Потом — следующий прыжок.

— Капитан, — голос Барретта прозвучал неожиданно напряжённо.

— Что?

— У меня метки.

Хартманн выпрямился.

— Какие метки?

Барретт развернул на главном экране тактическую карту. Из-за астероидного поля, расположенного в ста тысячах километров от станции, одна за другой появлялись новые отметки. Малые сигнатуры. Много.

— Вижу четыре... нет, пять... шесть малых меток, — Барретт защёлкал переключателями. — Сигнатуры неопознанные. Транспондеры выключены. Двигатели холодные — они ждали в пассивном режиме за астероидами. А теперь включились.

— Твою мать, неужто за нами? — тихо сказал Хартманн.

— Так точно.

— Кто это?

— Судя по сигнатурам — лёгкие штурмовики. Модель... — Барретт всмотрелся в данные, — «XF-99 Валькирия». Малые, быстрые. Две лазерные турели на каждом. Дальность — до десяти тысяч километров. Сейчас они в семидесяти тысячах и быстро сокращают дистанцию.

Фелпс, стоявший в дверях рубки, присвистнул.

— «Валькирии»? Это же флотские машины. Их на вооружение приняли года три назад.

— Значит, кто-то пустил их в оборот, — сказал Барретт. — Либо флотские, либо наёмники. Либо и те, и другие.

— Сколько у нас времени?

— На такой скорости — минут пятнадцать до контакта. Может, меньше.

Хартманн включил внутреннюю связь с «Кассиопеей».

— Диспетчерская, это «Свифт». У нас шесть неопознанных контактов на радаре. Штурмовики класса «Валькирия». Идут на сближение. Запрашиваю помощь.

Пауза. Женский голос ответил:

— «Свифт», вас поняли. К сожалению, патрульных кораблей поблизости нет. Ближайший военный борт — в трёх часах лёта. Выслать никого не можем.

— Отлично, — процедил Фелпс.

— Однако, — продолжила диспетчер, — если вы подойдёте ближе к станции, в зону действия наших антиметеоритных туррелей, мы сможем вас прикрыть. Дальность эффективного огня — пять тысяч километров. Сможете подойти?

Хартманн взглянул на тактическую карту. Штурмовики приближались. Пять тысяч километров до станции — это около пяти минут полного хода. Если Барретт выжмет из «Свифта» максимум, они успеют.

— Барретт, курс на станцию. Полный ход. Сколько сможешь выжать?

— До девяноста пяти процентов от максимума, если отключу всё лишнее.

— Отключай. Фелпс — к орудиям.

— Есть! — Фелпс бросился к кормовому пульта управления турелями.

— Заключённого пристегнуть к койке!

Хартманн сам метнулся в каюту. Вандерхоф уже сидел на койке — судя по лицу, он слышал каждое слово через тонкую переборку. Усмешка исчезла.

— Я же говорил, капитан. Прямой маршрут — смерть.

— Заткнись, — Хартманн одним движением отстегнул трос от стола и перещёлкнул его на скобу над койкой. — Лежать. Не двигаться.

— Удобно, — прокомментировал Вандерхоф, ложась. — А если в галюн захочется?

— Потерпишь.

Хартманн вернулся в рубку и занял командирское кресло.

— Доложить обстановку!

— Дистанция — шестьдесят две тысячи, — отозвался Барретт. — Шесть целей. Разделились на две группы — трое заходят слева, трое — справа. Скорость — триста метров в секунду и растёт.

— Фелпс, готовность!

— Турели активированы. Захват целей — по готовности. Жду команды.

— Без команды не стрелять. Пусть подойдут поближе. Барретт, курс?

— Прямо на станцию. Дистанция до зоны туррелей — сорок три тысячи. Время — около четырёх минут на полном ходу.

— Двигатели?

— Девяноста шесть процентов. Больше не выжать — перегрев.

— Принято.

«Свифт» рванулся вперёд. Перегрузка вдавила экипаж в кресла. На тактическом экране шесть красных отметок неумолимо приближались, растягиваясь в дугу. Классический охват. Тот, кто ими командовал, знал, что делает.

— Дистанция — пятьдесят тысяч, — доложил Барретт. — Они открывают огонь через двадцать секунд.

— Манёвр уклонения — змейка. Частота — случайная.

— Принято.

Барретт положил руки на штурвал. «Свифт» начал выписывать зигзаги — резкие, непредсказуемые, на грани перегрузки. Корабль стонал, обшивка скрипела, но держала.

Первый залп штурмовики дали с дистанции сорок тысяч. Лазерные лучи расчертили пустоту — шесть алых линий, прошедших в опасной близости от кормы. Один из лучей чирк-

нул по корме — короткая ослепительная вспышка, и «Свифт» вздрогнул, как от удара молотом. В рубке тревожно загудела сирена.

— Попадание в корму! — крикнул Барретт, впиваясь взглядом в диагностику. — Касательное. Обшивка нагрета, но держит. Термодатчики показывают критическое повышение температуры. Если ещё раз попадут туда же — прожгут.

— Фелпс, ответный огонь! Цель — ближайший левый.

— Есть!

Кормовые турели «Свифта» ожили. Два скорострельных орудия выплюнули очереди в сторону нападавших. Фелпс стрелял короткими, экономными очередями — не пытался поразить, скорее заставить противника маневрировать. Один из левых штурмовиков вильнул в сторону, теряя атакующую позицию.

— Поправка! — крикнул Барретт. — Правый фланг заходит с кормы!

— Вижу. — Хартманн переключил тактический экран. — Барретт, резкий разворот на сорок градусов влево, потом обратно. Пусть промахнутся.

— Принято. Держитесь.

«Свифт» дёрнулся, уходя с линии огня. Ещё один залп прошёл мимо — правые штурмовики не успели скорректировать прицел.

— Дистанция до зоны туррелей — двадцать восемь тысяч! Ещё минута тридцать!

«Свифт» дёрнулся, уходя с линии огня, но один луч всё же достал — рубанул по левому борту, вспоров внешнюю обшивку. Корабль застонал. На диагностическом экране левый борт замигал тревожным оранжевым.

— Попадание в левый борт! — доложил Барретт. — Внешняя обшивка пробита, внутренняя — держит. Герметизация пока в норме. Но ещё один такой — и будет дыра.

В воздухе рубки появился лёгкий запах горелой изоляции.

— Фелпс, не давай им прицелиться!

— Стараюсь, капитан!

Фелпс вёл непрерывный огонь. Один из штурмовиков задымился — короткая вспышка на левом крыле. Но остальные продолжали насаждать. Их было слишком много. «Свифт» не был рассчитан на бой с шестью противниками.

— Дистанция — пятнадцать тысяч! Сорок секунд!

Новый удар — сильнее прежних. «Свифт» трянуло так, что Хартманн едва не вылетел из кресла. Где-то в кормовом отсеке что-то громко хрустнуло и затихло. На пульте зажёгся красный индикатор разгерметизации, и через секунду автоматика отработала о закрытии аварийных переборок в кормовом отсеке.

— Есть пробой по касательной! — голос Барретта перекрыл вой сирен. — Кормовой отсек разгерметизирован, автоматика сработала, переборки закрыты. Мы теряем давление в корме! Если заденет маневровые — мы трупы!

— Фелпс! — рявкнул Хартманн. — Держи их подальше от кормы!

— Держу, капитан! — отозвался Фелпс сквозь грохот туррелей. — Двоих я отогнал, но ещё четверо висят!

— Барретт, манёвр «петля»!

— На такой скорости петлю?! — выдохнул Барретт. — Капитан, мы можем потерять управление!

— Делай.

Барретт рванул штурвал на себя. «Свифт» задрал нос, уходя в вертикальную петлю. Перегрузка вдавила всех в кресла, в глазах потемнело. Два штурмовика проскочили мимо, не успев повторить манёвр. Оставшиеся два продолжали висеть на хвосте.

— Дистанция — пять тысяч! Мы в зоне!

— Диспетчерская, это «Свифт»! Мы в зоне! Где туррели?!

Ответом стал залп.

Антиметеоритные туррели «Кассиопеи» не были предназначены для боя с кораблями. Они создавались для уничтожения астероидов и космического мусора — тяжёлые, неповоротливые, но чудовищно мощные. Четыре орудия, расположенные на внешней обшивке станции, выплюнули сгустки плазмы, и пространство вокруг «Свифта» расцвело огненными шарами.

Один из штурмовиков не успел уйти — плазменный заряд разорвал его пополам. Яркая вспышка, облако обломков — и на тактическом экране осталось пять красных отметок.

— Есть попадание! — крикнул Фелпс. — Минус один!

Остальные штурмовики резко отвернули, уходя из зоны поражения. Им не нужен был бой со станцией — они охотились на одиночный корабль, а не на укреплённый объект. Пять отметок быстро удалялись в сторону астероидного пояса.

— Уходят, — выдохнул Барретт. — Уходят, капитан.

— Повреждения?

Барретт тяжело дышал, не отрывая глаз от диагностики. На экране корабль горел тремя важными огнями — левый борт, кормовой отсек.

— Повреждения серьёзные. Кормовой отсек разгерметизирован — там теперь вакуум. Левый борт: внешняя обшивка пробита, внутренняя деформирована, но герметичность пока держит. Термодатчики по всему корпусу зашкаливают — обшивка нагрета до предела. Если бы они попали в маневровые, мы бы уже дрейфовали. Двигатели перегреты — ещё минута на форсаже, и начали бы сбой.

— А так?

— А так — дотянем. Но пробоину надо заварить, и чем скорее, тем лучше. И маневровые проверить — после такого виража там могло что-то погнуть.

Хартманн откинулся в кресле и позволил себе выдохнуть.

— Диспетчерская, это «Свифт». Благодарю за прикрытие.

— «Свифт», это «Кассиопея». Рады помочь. Вам нужна техническая помощь? Можем прислать ремонтную бригаду.

— Принимаем. И готовьте стыковочный док. Нам нужен ремонт. Срочный.

— Принято. Док номер восемь. Ремонтная бригада будет ждать. Конец связи.

Хартманн отключил канал и провёл ладонью по лицу. В рубке пахло горелой изоляцией и озоном. Где-то в переборке что-то тихо потрескивало — видимо, остывал повреждённый кабель.

— Фелпс, доложи по турелям.

— Боекомплект — минус тридцать процентов. Перегрева нет. Готов к следующему бою, если понадобится.

— Барретт?

— Я в норме. Кораблю нужен ремонт. Часов на десять, если бригада толковая.

— Тогда сажай нас.

Из каюты донёсся голос Вандерхофа — приглушённый переборкой, но отчётливый:

— Я же говорил. Но вы, военные, никогда не слушаете бухгалтеров.

Фелпс хмыкнул. Барретт покачал головой. Хартманн ничего не сказал, но где-то глубоко внутри уже понимал: этот рейс не будет рутинным. И разговор с Вандерхофом, скорее всего, придётся продолжить.

—

Солнце садилось за гряды невысоких холмов, окрашивая небо планеты Верданс в густой багрянец. Жара спадала медленно, нехотя — нагретая за день земля дышала сухим зноем, и воздух над полями дрожал, как над раскалённой сковородой. До самого горизонта, насколько хватало глаз, тянулись ровные ряды невысоких кустарников с серебристо-серыми листьями и острыми шипами. Растение называлось «эспина». Из его стручков, собранных вручную до

восхода солнца, производили концентрат «Пульсар» — самый дорогой галлюциноген в Федерации. Тонна сырца стоила на чёрном рынке больше, чем средний транспортный корабль. А здесь, на Вердансе, собирали по триста тонн в сезон.

Ранчо «Эль Рефухио» стояло на вершине пологого холма в стороне от полей. Белые оштукатуренные стены, красная черепичная крыша, внутренний двор с фонтаном. Вокруг — охранный периметр из десяти человек с автоматическими винтовками. У ворот — два армейских бронированных «Гризли». Над домом лениво вращались лопасти ветряка, качавшего воду из артезианской скважины. Со стороны ранчо походило на дом зажиточного фермера, удалившегося на покой. Так оно и было — с той лишь разницей, что фермер этот был одним из семи боссов крупнейшего наркокартеля в секторе Вега.

Элай сидел на широкой деревянной веранде, выходящей на запад, к закату. Перед ним стоял низкий стол, накрытый на одного человека: глиняная миска с бобовой похлёбкой, лепёшки из местной муки, жареное мясо с перцем и лаймом, кувшин с ледяной водой. Элай ел медленно, аккуратно, отламывая лепёшку двумя пальцами и макая её в похлёбку. Движения были скупыми, точными — так двигаются люди, которые никуда не спешат. И которые знают, что любая спешка — удел слабых.

Ему было около семидесяти. Он был худ, но жилист — тело человека, который всю жизнь провёл в седле, а не в кресле. Лицо его было страшным. Левая половина — от виска до челюсти — носила следы старого химического ожога: мёртвая кожа, натянутая как парусина, цвета засохшей крови, лишённая волос и мимики. Правая половина осталась нетронутой — морщинистой, смуглой, с глубоко посаженным тёмным глазом. Говорили, что ожог он получил много лет назад, когда конкуренты из картеля «Триада» напали на его лабораторию. Говорили также, что всех, кто причастен к тому событию, нашли в течение года — всех до одного, и каждого держали в сознании достаточно долго, чтобы он понял, за что умирает. Элай не подтверждал и не опровергал эти слухи.

На перилах веранды висела небольшая клетка с двумя местными птицами — яркосиними, с длинными хвостами. Птицы молчали, нахохлившись на своих жёрдочках. Элай иногда бросал им крошки лепёшки, но сейчас его внимание было занято другим.

В воздухе над столом висела голограмма. Стивен Вандерхоф — худое лицо, острые скулы, насмешливый прищур. Запись была сделана в тюрьме, во время одной из проверок: Вандерхоф сидел на койке и читал что-то в своём планшете, не подозревая, что его снимают. Элай смотрел на голограмму долго, не мигая. Его правый глаз изучал изображение с холодным, почти коллекционерским интересом.

На веранду поднялся помощник — молодой мужчина лет тридцати пяти, в лёгкой рубашке с закатанными рукавами и с планшетом в руке. Звали его Кортес. Он был племянником Элая — сыном его покойной сестры, — и одним из немногих людей, кому Старик позволял говорить с собой без предварительного разрешения.

— Дядя, — сказал Кортес, останавливаясь в двух шагах от стола. — Есть новости.

Элай не обернулся. Он продолжал смотреть на голограмму, медленно пережёвывая лепёшку.

— Говори.

— Конвой ушёл с «Дельфина». Информация подтверждена. Маршрут известен: «Дельфин» — «Кассиопея» — Аврора. Сейчас они в прыжке. Скоро прибудут на «Кассиопею».

— Люди готовы?

— Да. Оружие, снаряжение, всё на месте. Ждут приказа.

Элай наконец повернулся. Его здоровый глаз впился в лицо Кортеса.

— Убейте эту крысу, — произнёс он тихо, почти ласково. — Но голову — голову отрежьте и привезите мне. Хочу посмотреть в его лживые глаза.

Кортес кивнул. Он знал эту интонацию. Когда дядя говорил таким голосом — тихим, почти нежным, — это означало, что он в бешенстве.

— Ладно бы этот урод сдал только меня, — продолжил Элай, и его голос упал до шёпота. — Я бы, может, и простил. Бизнес есть бизнес. — Он взял кувшин и налил воды, рука не дрожала. — Но он хочет сдать людей, которые годами вкладывали в наше общее дело, которые обеспечивали нам прикрытие. И он — тварь! — хочет выйти сухим из воды. Такое простить нельзя.

Он отпил воды и поставил стакан на стол.

— Знаешь, что было написано в его последнем письме из тюрьмы? До того, как адвоката отстранили?

— Нет, дядя.

— «Я просто сделал то, что должен». — Элай усмехнулся, и усмешка получилась страшной — левая половина лица осталась неподвижной, а правая растянулась в гримасе. — Он обязан нам всем и пошёл против нас. Мы долго ждали этого дня. И теперь должны не просто убить его. Мы должны преподать урок всем. Вся обитаемая галактика должна знать — «Семь Колец» не прощают предателей.

Он отодвинул миску и поднялся. Он был невысок, но в его движениях чувствовалась сила, которую годы пока не сломили. Он подошёл к перилам веранды и посмотрел на закат.

— Когда привезёте голову, поставь её вон там, — он указал на пустую клетку, висевшую рядом с птичьей. — Чтобы все видели, чем заканчивается предательство.

— Будет сделано, — сказал Кортес.

— Ступай.

Кортес кивнул и бесшумно спустился с веранды. Элай остался стоять у перил, глядя, как последний край солнца исчезает за холмами. Багрянец сменялся густой синевой, на небе загорались первые звёзды. Из-за холмов тянуло прохладой, приносившей запах сухой травы и пыли.

Птицы в клетке зашевелились. Элай повернул голову и посмотрел на них.

— Вот видите, — сказал он им негромко. — Этот урод ещё жив. Пока жив. Но это ненадолго.

Он бросил в клетку последнюю крошку лепёшки и ушёл в дом.

Глава 4 Кассиопея

«Свифт» хромал к станции на маневровых. Барретт вёл корабль осторожно, компенсируя повреждённую обшивку левого борта короткими импульсами двигателей. Каждый манёвр отдавался в переборках глухим стоном — где-то в кормовом отсеке продолжала остывать деформированная внутренняя обшивка, и термические датчики ещё фиксировали повышенную температуру. Но корабль шёл. Барретт выжимал из него всё, что мог.

«Кассиопея» висела на орбите газового гиганта — огромное колесо диаметром около полутора километров, медленно вращающееся вокруг центральной оси. Тысячи огней. Десятки кораблей на орбите — от малых курьеров до тяжёлых грузовых транспортов, ожидающих очереди на разгрузку. На внешней обшивке станции, в районе четвёртого сектора, виднелись четыре массивные башни антиметеоритных туррелей — те самые, что час назад спасли им жизнь.

— «Кассиопея», это борт «Свифт», — произнёс Хартманн в канал связи. — Запрашиваю аварийную стыковку. У нас повреждения корпуса, разгерметизация кормового отсека. Нужен ремонт.

Диспетчер ответила через несколько секунд — тот же женский голос с лёгким гелиопольским акцентом:

— «Свифт», диспетчерская. Вас наблюдаю. Аварийная стыковка разрешена. Док номер восемь, сектор С-четыре. Ремонтная бригада будет ждать на месте.

— Принято. Док восемь.

Барретт подвёл «Свифт» к шлюзу. Стыковка прошла жёстче обычного — повреждённый корпус вибрировал, и магнитные захваты сработали с задержкой. Но шлюз загерметизировался. Зелёный индикатор зажёгся.

— Мы на месте, — выдохнул Барретт.

Хартманн отстегнул ремни. В рубке пахло горелой изоляцией и озоном. Фелпс уже стоял у двери каюты Вандерхофа, готовый вести заключённого.

— Фелпс, заключённый с нами. Барретт, вызывай ремонтников, пусть оценят повреждения. Я — к дежурному ССБС. Встречаемся у дока через час.

— Принято.

Через двадцать минут Хартманн стоял в небольшом служебном отсеке станции, который арендовал для своих нужд местный представитель ССБС. Отсек был крошечным — стол, два стула, терминал защищённой связи и голографический экран, на котором сейчас висело лицо дежурного офицера ССБС с Авроры. Лейтенант с нашивкой оперативного отдела. Молодой, напряжённый.

— Капитан Хартманн, — произнёс он, — я получил ваш рапорт. Нападение шести неопознанных штурмовиков класса «Валькирия» в зоне «Кассиопеи». Объект цел?

— Объект цел, — подтвердил Хартманн. — Экипаж без потерь. Но корабль повреждён. Кормовой отсек разгерметизирован, левый борт пробит, маневровые под вопросом. Понадобится капитальный ремонт. Есть что-то на замену?

— На замену? — лейтенант нахмурился. — Капитан, других кораблей ССБС на «Кассиопее» сейчас нет. Ближайший курьерский борт будет на станции через двенадцать часов. Я могу зарезервировать вам места в гостинице станции до его прибытия.

— Двенадцать часов, — повторил Хартманн. Он не сказал «это долго», но подумал именно это. Двенадцать часов на станции с заключённым, за которым охотятся. Двенадцать часов в открытом пространстве, где их могут найти.

— Это всё, что я могу предложить, капитан. Приказ начальства — ждать.

Хартманн помедлил.

— Принято. Ждём.

Экран погас. Хартманн потёр переносицу и связался с Барреттом по внутренней связи.

— Что сказали ремонтники?

— Двое суток, капитан. И это если найдут запчасти. У них нет секции обшивки для «Свифта» на складе. Нужно заказывать.

— Отлично. — Хартманн выдохнул. — Тогда так. Берём Вандерхофа и идём поедим. Заодно обсудим, что делать дальше.

Закусочная называлась «Звёздная Пыль». Она располагалась на третьем уровне жилого сектора станции — длинный узкий зал с пластиковыми столами, голографическим меню над стойкой раздачи и видом на вращающуюся ось «Кассиопеи» через панорамное окно. Здесь пахло разогретым белковым концентратом, специями и чем-то сладким. Народу было немного: двое техников в комбинезонах пили кофе у стойки, пожилая пара ела суп в углу, да какой-то торговец в потёртом плаще просматривал новости на планшете.

Хартманн выбрал стол в дальнем конце зала, спиной к стене, лицом ко входу. Фелпс усадил Вандерхофа на скамью рядом с собой, Барретт сел напротив. Заключённый всё ещё был в ограничителях, но Фелпс накинул ему на запястья свою куртку, чтобы не привлекать внимания.

— Ну, — произнёс Вандерхоф, оглядывая закусочную, — должен признать, это не совсем то, что я ожидал от своей первой трапезы на свободе. Я думал, будет что-то более... торжественное. Стейк. Вино. Может быть, небольшой оркестр.

— Заткнись и ешь, — сказал Фелпс, пододвигая к нему поднос с синтетическим рагу.

— Это точно съедобно? — Вандерхоф поднял бровь. — В «Дельфине» кормили лучше. И это не шутка.

— В «Дельфине» у тебя не было шанса получить пулю в лоб, — напомнил Хартманн.

— О, я бы не был так уверен, капитан. — Вандерхоф взял ложку и принялся за еду с неожиданным аппетитом. — Вы просто не знаете, какие там были повара.

Несколько минут ели молча. Барретт поглядывал на коммуникатор — портативное устройство размером с ладонь, которое он положил на стол рядом с подносом. Фелпс жевал быстро, по-солдатски, не отрывая глаз от входа. Хартманн пил кофе и думал.

— Ладно, — сказал он наконец, отставляя кружку. — Вандерхоф. Давай расклад. Кто именно на нас охотится?

Вандерхоф отложил ложку и вытер губы салфеткой.

— Вы хотите полный список? Извольте. — Он откинулся на спинку скамьи. — Первое: корпорация «Хелиос». Это они финансировали «Семь Колец». Не напрямую, конечно. Через цепочку подставных компаний, офшорных счетов и фиктивных контрактов. Я лично разрабатывал для них схему. «Хелиос» поставлял прекурсоры для наркотиков под видом медицинских препаратов, а мы их распространяли. Прибыль делили пятьдесят на пятьдесят. Их служба безопасности — это бывшие военные, очень профессиональные. Если они нас найдут, будет плохо.

— Второе?

— Второе: Министерство здравоохранения. Точнее, несколько конкретных чиновников. Они закрывали глаза на поставки и получали свой процент. Я знаю их имена и суммы. Если мои показания дойдут до трибунала, эти люди сядут. А они очень не хотят садиться. У них есть связи в полиции, в ССБС, даже во Флоте.

— Третье?

— Адмиралы Флота. — Вандерхоф усмехнулся. — Вы знаете, что часть кораблей Федерального Флота использовалась для перевозки наркотиков? Да-да. Официально — патрули-

рование дальних секторов. Фактически — логистика для «Семи Колец». Я придумал схему оформлять грузы как «специальное медицинское оборудование». Флотские генералы получали свой процент. Если я заговорю, кое-кто лишится звёзд на погонах.

Фелпс присвистнул.

— И ты хочешь сказать, что все эти люди сейчас охотятся на нас?

— Возможно не все сразу, — сказал Вандерхоф. — Но каждый из них хочет, чтобы я замолчал. И каждый готов заплатить за это. Кто-то — деньгами. Кто-то — оружием. Кто-то — информацией. Ваш маршрут, капитан, был известен им всем. Поэтому я и говорил: прямой маршрут — смерть.

— И что ты предлагаешь? — спросил Хартманн. — Теневой маршрут?

— Именно. — Вандерхоф оживился. — Я знаю этот маршрут как свои пять пальцев. Пиратские порты, заброшенные верфи, частные станции. Места, где нет федерального надзора. Если мы пойдём по Теневому маршруту, нас никто не найдёт.

— А если найдёт? — подал голос Барретт. — Там нет никакой защиты. Никакой помощи. Если что-то пойдет не так, мы останемся одни.

— Если нас засекут на стандартном маршруте, мы тоже останемся одни, — парировал Вандерхоф. — Разница в том, что на стандартном маршруте нас точно ждут. А на Теневом — ещё поискать надо.

Хартманн молчал. Вандерхоф был прав. И он это знал.

— Допустим, — медленно произнёс он. — Допустим, мы пойдём по Теневому маршруту. Где мы возьмём корабль? «Свифт» в ремонте на двое суток. Ждать курьерский борт долго. Двенадцать часов на станции, где нас могут найти в любую минуту.

— Капитан, — Вандерхоф подался вперёд, — мы на торговой станции. Здесь сотни кораблей. Найдите неприметный транспортник, арендуйте его, купите, угоните — что угодно. И улетаем. Чем быстрее, тем лучше.

— Угонять корабли — не моя специальность, — сухо сказал Хартманн.

— А вы попробуйте. Это весело.

Хартманн посмотрел на Барретта. Тот пожал плечами.

— Капитан, я могу проверить, какие корабли сейчас в доке. Если есть что-то подходящее — можем попробовать договориться. Или, если не получится, — реквизируют.

— Вот это правильно, — Вандерхоф одобительно кивнул. — Конструктивный подход. Мне нравится.

Хартманн вздохнул.

— Ладно. Барретт — проверь доки. Фелпс — глаз с заключённого не спускать. Если заметишь что-то подозрительное — сразу докладывай.

— Есть.

Они поднялись из-за стола. Хартманн бросил на стол несколько кредитов для оплаты и обвёл взглядом закусочную. Пожилая пара доедала суп. Торговец в плаще всё так же сидел над планшетом. Техники у стойки заказали ещё кофе.

Но что-то было не так.

Хартманн заметил это краем сознания: торговец в плаще слишком старательно не смотрел в их сторону. Слишком ровно держал планшет. Слишком тихо сидел. И на его лице была татуировка — несколько капель в углах глаз.

— Уходим, — тихо сказал он.

Фелпс понял мгновенно. Он подхватил Вандерхофа под локоть и двинулся к выходу. Барретт сунул коммуникатор в карман и пошёл следом. Хартманн — последним, прикрывая группу.

Торговец поднял голову. Встретился глазами с Хартманном. И потянулся к чему-то под плащом.

Хартманн сорвал с плеча автомат — «Картер» сам лёг в ладони, предохранитель сдвинут большим пальцем ещё в момент подъёма ствола.

— Контакт! — крикнул он.

И закусочная взорвалась движением.

Торговец вскочил, опрокидывая стул, и выхватил из-под плаща короткий автомат. Хартманн выстрелил первым — короткая очередь в грудь. Торговца отбросило на стол, планшет полетел на пол.

Но он был не один.

Техники у стойки развернулись одновременно. Тот, что справа, достал из-под куртки обрез, висевший на ремне. Второй выхватил из-под стойки помповый дробовик. Никаких гражданских — только боевики, ждавшие сигнала.

— Слева! — крикнул Барретт, падая на колено.

Обрез бахнул, картечь веером прошла над головой Хартманна, разнеся голографическое меню. Барретт выстрелил в ответ, целясь стрелку в бедро, но тот уже нырнул за перевёрнутый стол. Дробовик второго техника рывкнул, и пластиковая стена рядом с Фелпсом взорвалась крошечным.

Фелпс толкнул Вандерхофа на пол и накрыл его собой. Пули крошили пластик, летели щепки, звенело стекло. Хартманн сменил позицию, уходя за массивный автомат с напитками, и дал очередь по тому, что с дробовиком. Попал в плечо — боевика развернуло, но он устоял.

И тут из дальнего угла, из-за колонны, которую Хартманн не заметил раньше, ударили ещё двое. Одеты как работяги из дока — грязные комбинезоны, тяжёлые ботинки, — но в руках у них были автоматы. Они открыли шквальный огонь, не целясь, просто поливая свинцом всё пространство зала.

Пули ударили в стойку, разнесли кофемашину, пробили пластиковые перегородки. Пожилая пара, оказавшаяся не такой уж пожилой — женщина сдёрнула парик, мужчина выхватил из-под стола компактный пистолет-пулемёт, — бросилась на Хартманна с фланга.

Засада. Грамотная, со всех сторон.

— Барретт, глуши им связь! — рывкнул Хартманн, уходя в перекат.

Барретт метнул в центр зала небольшой цилиндр. ЭМИ-граната взорвалась с глухим хлопком, и по закусочной прокатилась волна помех — гасли экраны, взывали и отключались коммуникаторы, трещали искры в электропроводке. Теперь никто из нападавших не мог вызвать подкрепление.

Но бой только начинался.

Хартманн вышел из переката и всадил очередь в «пожилую даму». Та рухнула, даже не вскрикнув. Её напарник дал короткую очередь в ответ, но автомат в руках Хартманна уже сменил направление — две пули в грудь, контрольный в голову. Боевик сполз по стене, оставляя кровавый след.

Фелпс тем временем поднялся, держа Вандерхофа за шкуру. Одной рукой он тащил заключённого к выходу, другой — вёл огонь из автомата. Одна рука, один автомат, а пули ложились кучно — капрал был в своей стихии. Очередью он срезал того, что с дробовиком, и тот рухнул лицом в стол, утянув за собой посуду.

— К двери! — крикнул Фелпс, пробиваясь к выходу.

Барретт прикрывал их, стреляя короткими, экономными очередями. Один из «работяг» высунулся из-за колонны — и тут же получил пулю в плечо. Автомат выпал из его рук, но он не отступил — выхватил нож и бросился на Барретта.

Барретт встретил его прикладом. Хруст кости, глухой вскрик — и боевик отлетел к стене. Барретт выстрелил ему в грудь, поставил точку, и развернулся к последнему.

Последний «работяга» попытался обойти их с фланга, прячась за перевёрнутыми столами. Но Хартманн уже ждал его. Две очереди — одна в корпус, вторая в голову. Боевик рухнул, даже не успев нажать на спуск.

Зал замер. Где-то капала вода из пробитой трубы. Где-то шипела искра в разбитом терминале. Пахло порохом, горелым пластиком и кровью. Шесть тел на полу. Четыре боевика, два «гражданских». И ни одного раненого в конвое.

— Все целы? — Хартманн перезарядил автомат, не опуская ствола.

— Целы! — отозвался Фелпс, уже стоя у выхода с Вандерхофом.

— Чисто, — коротко бросил Барретт, контролируя стволом автомата свой сектор стрельбы.

— Это было... впечатляюще, — подал голос Вандерхоф. Он тяжело дышал, но улыбка уже возвращалась на его лицо. — Я, конечно, знал, что вы профессионалы. Но чтобы настолько...

— Замолкни, — сказал Хартманн, пинками переворачивая тела боевиков и проверяя их экипировку. — Это люди Элая. Вон татуировки «Семи Колец». Как они нас нашли?

— Капитан, смотри, — Барретт поднял с пола планшет убитого торговца. — У них было наше описание. И частота нашей связи. Откуда у них это?.

— Хреново все это, очень хреново, — процедил Хартманн.

— Не говори, — кивнул Барретт.

— Уходим. В доки. Быстро.

Они вывалились из закуской в коридор. Фелпс толкал Вандерхофа впереди себя, прикрывая его спину. Барретт бежал рядом, на ходу доставая из подсумка дополнительный магазин. Хартманн — последним, прикрывая отход.

Из-за угла в конце этажа выскочили ещё двое. Один указывал пальцем на группу Хартманна, другой что-то кричал в коммуникатор. Но граната Барретта делала своё дело — в эфире был только треск помех, и подкрепление на вызов не спешило.

— Сколько их всего?! — крикнул Фелпс на бегу.

— Понятия не имею, — ответил Хартманн. — Но могут быть ещё. Бегом к докам!

Коридоры «Кассиопеи» были лабиринтом — проходы, лестницы, грузовые лифты. Конвой двигался быстро, но Вандерхоф в своих тюремных тапочках спотыкался на каждом шагу.

— Может, снимете ограничители? — пропыхтел он. — Я хотя бы бежать смогу нормально!

— Перебьёшься! — отрезал Фелпс, подхватывая его под локоть.

Они выскочили в грузовой док — огромное помещение высотой в три палубы, заставленное контейнерами, погрузчиками и ремонтным оборудованием. Здесь пахло машинным маслом, разогретым металлом и озоном. Под потолком гудели краны-погрузчики, перемещавшие контейнеры с одного уровня на другой.

И здесь их уже ждали.

Хартманн шёл первым. В руках — штурмовая винтовка. За ним — Барретт и Фелпс, ведущие Вандерхофа в магнитных наручниках. Они не успели пройти и тридцати метров.

Из-за контейнеров на верхнем ярусе вышел человек в рабочей куртке. В руках — ручной пулемёт. Следом за ним из укрытий полезли остальные. Все вооружены до зубов.

Хартманн оценил обстановку за долю секунды.

— Контакт. Барретт — левый фланг. Фелпс — прикрываешь заключённого.

Первый шквал огня обрушился на них. Пулемётная очередь вгрызлась в стальную колонну, высекая каскад искр. Хартманн выкатился вправо, вскинул оружие и дал две короткие, идеально выверенные очереди. Пулемётчик перевалился через перила и рухнул с верхнего уровня с развороченной грудью.

Хартманн не остановился. Он рванул вперёд, используя неразбериху в рядах противника.

Двое бандитов выскочили из-за контейнера слева. Хартманн на бегу снял первого двумя пулями в голову. Второго он сбил с ног ударом приклада, приставил ствол к груди и нажал на спуск. Выстрел в упор пробил бронежилет насквозь.

Третий наёмник попытался прыгнуть откуда-то сверху. Фелпс мгновенно вскинул карабин и выстрелил дважды — пули вошли под нижний край каски. Бандит рухнул вниз головой.

Барретт тем временем работал на левом фланге с холодной точностью. Присел за погрузочным экзоскелетом, выдохнул и начал. Три выстрела. Три попадания. Один в горло, один в бедренную артерию, третий — точно в голову. Каждый бандит падал так, будто его выключили.

— Работаю! — рявкнул Фелпс, после чего высунулся и дал длинную очередь по наступающим, прикрывая командира. Двое бандитов, бежавших по открытому пространству, были буквально разорваны — бронежилеты не спасали от пули из «Картера».

Но людей Элая было слишком много. Они лезли со всех сторон. Дробовики ревели, вырывая целые куски из контейнеров. Картечь визжала рикошетами.

Хартманн заметил троих, пытающихся зайти им во фланг, запрыгнул на погрузчик, с высоты дал длинную очередь, прижав двоих к палубе. Один из них попытался подняться — Хартманн спрыгнул прямо на него, сломав тому шею весом тела, и сразу же открыл огонь по оставшимся двум. Очередь прошла через тело одного и разворотила колено второму. Пока тот кричал, Хартманн добил его в затылок.

— Граната! — заорал кто-то из наёмников.

Дымовая граната упала рядом. Густой серый дым мгновенно заполнил пространство.

Хартманн включил тепловизор, встроенный в шлем. Мир окрасился в кроваво-оранжевые тона. Он увидел силуэт, крадущийся вдоль стены. Две пули в тело. Бандит рухнул, как сломанная кукла. Ещё один выскочил почти в упор с дробовиком. Хартманн перехватил ствол левой рукой, отвёл его в сторону и выстрелил бандиту в живот. Тот обмяк, но Хартманн продолжал держать его тело как щит. Используя мёртвого наёмника как прикрытие, он открыл огонь по двум бандитам, которые бежали к ним. Оба получили по три пули. Когда тело стало слишком тяжёлым и начало заваливаться, Хартманн отшвырнул его и добил последнего одиночным выстрелом.

Барретт тем временем сменил магазин одним плавным движением. Он заметил снайпера на верхней галерее — тот пытался взять их сверху. Барретт выстрелил первым. Пуля прошла через щель между контейнерами и вошла бандиту точно под каску. Тот рухнул вниз, как мешок с мясом.

— Барретт, обстановка! — бросил Хартманн, меняя магазин.

— Мы держим сектора, но их еще много.

Фелпс, прикрывая Вандерхофа, выстрелил в наёмника, который подобрался слишком близко, и добавил контрольный в голову.

— Фелпс, живой?!

— Живой! Вандерхоф тоже цел.

— Спасибо, что поинтересовались, — раздался из-за контейнера сухой голос заключённого. — Но, если вы спросите мое мнение, я настоятельно рекомендую убираться отсюда к чёртовой матери.

— Заткнись, придурок, — беззлобно ответил Фелпс, перезаряжаясь.

В этот момент с дальнего конца дока с лязгом распахнулись тяжёлые ворота. На платформу ворвалась группа службы безопасности станции — десяток бойцов в броне. Они сразу открыли огонь по людям Элая с тыла.

Началась настоящая мясорубка.

Стрельба со всех сторон. Перекрёстный огонь. Пули рикошетили от металла, люди кричали. Один из охранников получил заряд картечи и упал, брызгая кровью. Ещё один бандит с

пулемётом начал поливать безопасников «Кассиопеи» длинными очередями, пока Барретт не всадил ему три пули в спину.

Хартманн огляделся. Хаос был идеальным.

— Отходим, — коротко приказал он.

Барретт и Фелпс поняли без слов. Они синхронно поднялись и начали отходить, прикрывая друг друга и Вандерхофа. Их движения были экономными, точными и без единого лишнего шага. Пока охранники и остатки людей Элая рвали друг друга в клочья, трое агентов исчезли между контейнерами, словно их никогда здесь и не было.

Последнее, что услышал Хартманн, прежде чем они скрылись в техническом коридоре — это крики умирающих и тяжёлый грохот ботинок по металлической палубе.

Хартманн шёл последним. На его лице не было ни капли эмоций.

Он даже не оглянулся.

— К дальним докам! — скомандовал Хартманн. — Барретт, что там с кораблями?

Барретт на бегу вытащил коммуникатор.

— Есть вариант. Нашел в базе. Док тридцать два. Транспортник «Толстая Бэтти», модифицированный «Груман». Быстрый, старый, но на ходу. Стоит уже пару недель, хозяин то ли запил, то ли помер. Но нам на руку. Если она открыта, то попав на борт, я смогу запустить двигатели через аварийный терминал.

— Давай!

Они побежали по лабиринту доков. Сзади ещё гремели выстрелы — охрана станции и наёмники продолжали перестрелку. Но конвой уже отрывался. Фелпс тащил Вандерхофа за шкуру, тот спотыкался, но не жаловался. Барретт бежал впереди, сверяясь с коммуникатором. Хартманн замыкал.

Док тридцать два был небольшим и находился в дальнем конце грузового сектора, куда редко заглядывали. «Толстая Бэтти» стояла у шлюза: старый транспортник с облупившейся краской, вмятинами на обшивке и двигателями, которые, судя по характерному налёту на соплах, не чистили уже года два. Барретт подключился к терминалу шлюза, пробежался пальцами по клавиатуре — и он открылся.

— За мной! — крикнул он, первым поднимаясь на борт.

Фелпс затолкнул Вандерхофа в шлюз. Хартманн — последним. Люк закрылся.

— Барретт, делай что хочешь, но запускай двигатели. Фелпс — закрепить заключённого!

Барретт рванул в кабину пилота и начал подключаться к аварийному терминалу.

— Это что, мы её угнали? — спросил Вандерхоф, которого Фелпс затащил в тесную каюту и пристегивал к койке. — Я впечатлён. Вы, ребята, порвали все мои шаблоны.

— Может тебе челюсть сломать? — сказал Фелпс задумчиво.

— «Толстая Бэтти», — Вандерхоф усмехнулся, не обращая внимания. — Как символично. Была у меня одна Бэтти, с вот такой задницей. Столько воспоминаний.

— Что это ты пустился по волнам воспоминаний? — буркнул Фелпс.

— Это потому что я старше тебя, капрал. И если бы меня отбили там в доках, то сейчас пилили бы голову на живую. А так — сижу тут. На этом прекрасном корабле, в такой великолепной компании. Это ли не чудо. Нужно уметь радоваться мелочам.

Прошло несколько минут и «Толстая Бэтти» вздрогнула, оживая. Двигатели загудели — неровно, с перебоями, но гудели. Барретт уже сидел в кресле пилота и переключал каналы связи.

— Диспетчерская, это конвой-семь, транспортный борт «Толстая Бэтти», — произнёс он быстро и чётко. — Отстыковался от шлюза тридцать два. Вынужден отходить без запроса вектора. Повторяю: вынужденный старт без вектора. Сообщите службе безопасности — мы не нарушители, ситуация нештатная.

В динамике зашипело, затем раздался возмущённый голос диспетчера:

— «Толстая Бэтти», вы нарушаете процедуру! Немедленно запросите коридор! В секторе С-четыре движение, вы создаёте аварийную ситуацию!

— Принято, диспетчерская. Аварийную ситуацию фиксируйте, а мы пошли. Конец связи.

Барретт отключил канал и потянул штурвал на себя. Корабль рванул прочь от шлюза, оставляя диспетчера ругаться в пустоту.

Рубка «Толстой Бэтти» была под стать кораблю — тесная, обшарпанная, с двумя продавленными креслами, старым навигационным пультом и широким обзорным экраном во всю стену. Хартманн сидел в правом кресле, просматривая на планшете карту сектора и пытаясь игнорировать запах горелой проводки, тянущийся откуда-то из вентиляции.

Дверь за спиной открылась. Фелпс втокнул Вандерхофа в рубку — заключённый всё ещё был в ограничителях, накинутая на запястья куртка уже сбилась и теперь болталась на одном плече.

— Привел, шэф, как и просили.

— Капитан, я, конечно, ценю заботу о моей безопасности, — начал Вандерхоф, оглядывая рубку с брезгливым любопытством, — но ваша каюта — это просто камера с койкой. И воняет там так, будто предыдущий хозяин возил в ней тухлую рыбу. Я требую перевода в более комфортабельное помещение.

— Здесь грузовой транспорт, а не круизный лайнер, — отозвался Хартманн, не оборачиваясь. — Привыкай.

— Я привыкаю. Но мой нос — нет. У него, знаете ли, тонкая душевная организация. — Вандерхоф подошёл ближе и остановился у командирского пульта, разглядывая обзорный экран.

Там, в черноте космоса, медленно удалялась «Кассиопея» — огромное вращающееся колесо, утыканное огнями. Где-то там, пришвартованный к ремонтному доку, висел «Свифт» — уже не видимый, с рваной раной на левом борту.

Вандерхоф несколько секунд смотрел на экран молча. Затем негромко произнёс, и в его голосе впервые за всё время прозвучало что-то новое, похожее на уважение:

— Вы бросили свой единственный корабль ради меня. Я польщён.

Хартманн наконец обернулся.

— Мы бросили его, чтобы уйти.

— О, не приbedняйтесь, капитан. — Усмешка вернулась на лицо Вандерхофа. — В глубине души вы уже поняли, что я был прав. Теневой маршрут — единственный выход. И теперь, когда вы угнали гражданский транспорт, нарушили приказ и оставили место дислокации без доклада, у вас просто нет другого выбора.

Хартманн выдержал его взгляд. Потом повернулся к Барретту.

— Курс?

— Прыжок через двадцать минут. — Барретт оторвался от навигационного пульта. — Двигатели в порядке, топлива хватит на два прыжка. Куда летим, капитан?

Хартманн посмотрел на Вандерхофа. Тот улыбнулся шире.

— Первая точка — колония «Нова-Рифт» в системе Карно. Это на самой окраине, дальше только необитаемые системы и пояс астероидов. Раньше там добывали руду, но лет двадцать назад шахты закрыли. Сейчас это перевалочная база для наркотраффика. Перепакровка, фасовка, временное хранение. Планета так себе — пыльная, жаркая, но жить можно. Там оседает всякий сброд: контрабандисты, бывшие пираты, те, кто хочет спрятаться от цивилизации. Или те, кто там родился и никогда не видел ничего другого. Несколько десятков тысяч человек.

— И ты хочешь, чтобы мы сунулись в наркоколонию? — уточнил Фелпс. — С заключённым, за которым охотится половина галактики?

— Именно. Там нас никто не будет искать. А если будет — им придётся иметь дело с местными. Местные чужаков не любят. Своих, конечно, тоже не любят, но чужаков — особенно.

— И как мы туда попадём? — спросил Барретт.

— Прыгаем в систему Карно, на внешний край астероидного пояса. Дальше включаешь гиперволновой передатчик, частота три-восемь-два-точка-семь, посылаешь кодовый запрос: «Семь-четыре-девять, запрос доступа». Это старый код контрабандистов, он не менялся лет десять. Если колония работает — ответят и сбросят вектор подлёта. А там уже найдём хирурга.

— Зачем нам хирург? — резко спросил Хартманн.

Вандерхоф помедлил. Его улыбка стала чуть более натянутой.

— Есть у меня одна идея, капитан. Как прилетим в колонию — я вам её озвучу. Ничего особенного, просто мои фантазии. Но без хирурга нам не обойтись.

Хартманн посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты что-то недоговариваешь.

— Я всегда что-то недоговариваю. Это моя профессиональная привычка. Бухгалтер не должен раскрывать все статьи бюджета сразу. Это нервирует инвесторов.

— Я тебе не инвестор.

— Капитан, вы себе льстите. Вы — мой самый главный инвестор. Вы вложили в меня свою карьеру и, кажется, свою жизнь. Я этого не забуду. — Вандерхоф пожал плечами. — Дайте мне немного кредита доверия. В конце концов, я пока что не подвёл.

Хартманн помолчал. Потом кивнул Барретту.

— Закладывай систему Карно. Дальше — по обстановке.

— Принято, — кивнул Барретт и принялся вводить данные.

— Фелпс, отведи заключённого. И проверь, что там с запахом в каюте.

— Есть, капитан.

Фелпс взял Вандерхофа под руку. Тот не сопротивлялся, но, уже выходя, бросил через плечо:

— И всё-таки насчёт кофе, капитан. Серьёзно. Моя продуктивность напрямую зависит от уровня кофеина в крови. А вам сейчас нужна моя максимальная продуктивность.

Дверь закрылась. Хартманн откинулся в кресле и потёр переносицу. Хирург. Что за хирург? Что за идея? Он чувствовал, что Вандерхоф опять что-то задумал. И это ему не нравилось.

Глава 5 Маяк

В кабинете Кендзи Такахаси горел только настольный светильник. За панорамным окном пятьдесят второго этажа Вега-Сити мерцал ночными огнями — бесконечные цепочки автомобилей, светящиеся рекламные голограммы, далёкие огни сающихся кораблей. Но Такахаси не смотрел на город. Он сидел за терминалом, подперев подбородок кулаком, и изучал файлы, которые его аналитики подняли из архивов.

Перед ним на экране разворачивалось досье Стивена Вандерхофа — не то урезанное, что было в открытом доступе, а полная версия, собранная по крупицам из разных источников. Такахаси читал быстро, выхватывая главное: даты, цифры, процедуры. Шесть лет назад Агентство раннего предупреждения завербовало Вандерхофа. Он сдал трёх боссов из синдиката «Семи Колец» и готовился дать показания на открытом процессе. Но процесс засекретили, Вандерхофа спрятали в «Дельфине», а дело заморозили. Стандартная практика АРП — убрать ценного свидетеля подальше и ждать подходящего момента.

Такахаси пролистнул ещё несколько страниц и остановился. В разделе «Протоколы безопасности» значилось: «Объекту Вандерхоф С. внедрён пассивный идентификационный маяк модели "Эхо-62". Процедура проведена медицинской службой АРП в тюрьме "Дельфин" согласно протоколу 17-В». Дата — шесть лет назад. Передатчик был вживлён в тело Вандерхофа, когда он только попал в тюрьму.

Такахаси откинулся в кресле. Значит, АРП боялось, что свидетеля могут похитить, или он может бежать. Устройство позволяет отследить перемещения Вандерхофа. Работает оно не постоянно — только когда объект попадал в зону действия федеральных ретрансляционных станций. Но как только корабль выходил из прыжка в секторе, маяк активировался, фиксировал координаты и отправлял пакет данных, который попадал на сервер АРП. Тихо, незаметно, без участия самого объекта.

Если получить доступ к этим данным, задача по поиску конвоя решается в одно действие.

Он потянулся к коммуникатору и набрал внутренний номер.

— Танака, зайди.

Рик Танака появился через две минуты — как всегда, с планшетом под мышкой и неизменной кружкой кофе в руке.

— Шеф?

— Мне нужен контакт в АРП. У нас был кто-то в аналитическом отделе. Помнишь?

Танака нахмурился, припоминая.

— Фергюссон. Мартин Фергюссон. Мелкий клерк. Мы его завербовали года три назад. У него были проблемы с долгами, мы предложили сумму, от которой он не смог отказаться. С тех пор числится в резерве — услуги не требовались, но мы регулярно подкидывали ему премиальные, чтобы не забывал, кому обязан.

— Дело на него есть?

— Разумеется. — Танака уже листал планшет. — Вот. Фергюссон Мартин, 34 года, аналитический отдел АРП, третий уровень доступа. Контактный номер, личный идентификатор, кодовая фраза для активации — «Мой милый Мартин». Он выбрал сам. Не спрашивай, шеф.

— «Мой милый Мартин», — повторил Такахаси бесстрастно. — С кем мне приходится работать?

— Я же говорю, я тут ни при чем. — Танака пожал плечами. — Что ему передать?

— Пока ничего. Дай мне защищённый канал.

Танака кивнул, подошёл к терминалу и защёлкал клавишами.

— Готово. Шифрование четвёртого уровня. Время соединения — две секунды. Можешь говорить.

Такахаси набрал номер из досье. Через две секунды в динамике раздался щелчок, затем осторожный голос:

— Аллю?

Такахаси произнёс кодовую фразу:

— Мой милый Мартин.

На том конце повисла пауза. Затем голос ответил — уже не осторожный, а собранный:

— Слушаю вас.

— Вы нас помните?

— Да, — коротко ответил Фергюссон. — Помню.

— Вы можете говорить свободно?

— Да. Я дома. Жена спит. Что вам нужно?

Такахаси удовлетворённо кивнул и перешёл к делу:

— Шесть лет назад АРП внедрило пассивный маяк модели «Эхо-62» заключённому по имени Стивен Вандерхоф. Передатчик должен быть всё ещё активен. Данные с него поступают на внутренний сервер АРП. Мне нужен доступ к этим данным. Все входящие сигналы — пересылать мне в реальном времени.

Фергюссон помолчал.

— «Эхо-62» — это закрытый протокол. Данные по сигналам такого уровня хранятся на сервере с двойным шифрованием. Мне нужно попасть в здание, в свой отдел, и сделать всё с рабочего терминала. Удалённо не получится.

— Сколько времени вам необходимо?

— Завтра у меня дневная смена. Если всё пойдёт гладко, я смогу настроить переадресацию в течение дня. К вечеру — максимум к утру послезавтра — данные начнут поступать вам.

— Это долго.

— Быстрее не выйдет, — в голосе Фергюссона послышались нотки раздражения. — Я не могу просто так зайти в закрытый раздел и скачать файл. Это сложная процедура. Мне нужно будет подделать запрос, замаскировать переадресацию под плановую диагностику и свалить логи на сбой системы. Если меня поймут...

— Вас не поймут, — перебил Такахаси. — Вы же профессионал, Мартин. И мы платим вам именно за профессионализм.

— Сколько?

— Стандартный тариф плюс пятьдесят процентов за срочность. И ещё столько же — когда данные начнут поступать.

На том конце послышался вздох.

— Хорошо. Я сделаю. Но мне нужна гарантия, что после этого меня оставят в покое. Хотя бы на год.

— Год, — согласился Такахаси. — И никаких новых поручений раньше этого срока. Слово.

— Слово, — эхом отозвался Фергюссон. — Тогда до связи. Я сообщу, когда всё будет готово.

— Жду.

Такахаси отключился и повернулся к Танаке, который всё это время стоял у двери с кружкой в руке.

— Ну? — спросил Танака.

— Будет готов в течение суток. Максимум — двух. Как только маяк активируется, мы узнаем, где они.

— А если они до этого времени выйдут из прыжка в глуши, где нет ретрансляторов?

— Тогда мы их не засечём, — признал Такахаси. — Но это лишь вопрос времени. Рано или поздно они появятся в зоне покрытия. И тогда — они наши.

Танака кивнул и отхлебнул кофе. Такахаси поднялся и одёрнул пиджак.

— А теперь — к Хэвенсу. Пора доложить, что операция на «Кассиопее» провалилась.

Танака поморщился.

— Удачи. Он, говорят, с утра не в духе. Опять кричал на кого-то по селектору.

— Мне не привыкать, — коротко бросил Такахаси и вышел из кабинета.

Коридоры пятьдесят второго этажа были пусты и тихи. Ночная смена в отделе корпоративной безопасности работала круглосуточно, но сейчас даже дежурные аналитики сидели по своим углам, не попадаясь на глаза. Такахаси прошёл мимо закрытых дверей, мимо огромной эмблемы корпорации, которая в полумраке светилась приглушённым голубым светом, и вызвал лифт.

В лифте он прислонился спиной к зеркальной стене и прикрыл глаза — ровно на те несколько секунд, что кабина поднималась на пятьдесят пятый. Разговор с Фергюссоном прошёл успешно. Сроки были вполне реалистичные. Сутки, максимум двое — и данные с маяка начнут поступать. Оставалось только ждать. И доложить Хэвенсу, что операция на «Кассиопее» провалилась.

Приёмная Хэвенса встретила его тишиной. Секретарши не было — неудивительно, учитывая поздний час. Даже у самой преданной помощницы, способной ворковать с боссом по селектору круглые сутки, был предел рабочего дня. Стойка ресепшена пустовала, на ней ровной стопкой лежали глянцевые корпоративные буклеты. Панорамное окно за диваном темнело ночным небом, и в нём отражался приглушённый свет настенных ламп.

Такахаси подошёл к массивной двери из красного дерева и дважды коротко постучал.

— Войдите! — раздался из-за двери голос Хэвенса. Голос звучал раздражённо и устало — судя по всему, спать ему этой ночью не довелось.

Такахаси толкнул дверь и вошёл в кабинет.

Хэвенс сидел за столом, подперев голову рукой. Перед ним стоял стакан с остатками смузи — уже тёплого, потерявшего всякий вкус. Выглядел он отвратительно: мешки под глазами, рубашка помята, галстук ослаблен. Его подняли среди ночи звонком с новостями, и с тех пор он не находил себе места.

Такахаси, напротив, выглядел так, будто только что вернулся с вечерней прогулки. Свежий, подтянутый, в безупречном костюме. Контраст был разительным.

— Докладывайте, — бросил Хэвенс, не здороваясь.

— Атака на «Кассиопее» не удалась, — начал Такахаси, садясь в кресло напротив. — Штурмовики «Эгиды» перехватили «Свифт» на подлёте и нанесли повреждения, но не смогли уничтожить. Корабль добрался до станции. После этого в дело вступили наши... партнёры.

— Партнёры? — Хэвенс нахмурился. — Какие ещё партнёры? Я не давал санкции на привлечение никаких партнёров! Что это за глупости?

— Это не глупости, господин Хэвенс, — ровно ответил Такахаси. — У вас есть все необходимые допуски. Совместные проекты «Хелиос» и организации «Семь Колец». Вы можете открыть досье и ознакомиться, там есть фото и видео материалы. Второе нападение в доке провели их люди.

— Что значит — я могу ознакомиться?! — Хэвенс побагровел. — Это я должен вам указывать! Вы нарушаете основу нашего корпоративного этикета — тон-оф-войс!

— Я не могу обсуждать эту тему свободно, — голос Такахаси остался ледяным. — Это запрещено нашей политикой безопасности. И если политика безопасности противоречит тон-оф-войс, то ничего не поделаешь. Безопасность важнее.

— Что вы мне морочите голову?! — Хэвенс резко развернулся к своему монитору и ткнул пальцем по сенсору. — Сейчас я сам всё посмотрю!

Такахаси молча ждал. Хэвенс погрузился в чтение. Сначала его лицо выражало решимость, потом — недоумение, потом — ужас.

— А? — тихо произнёс он. — Ничего себе...

Он пролистнул дальше. Его глаза расширились.

— Ой-ой-ой... Ах, как жестоко! Это что? Бензопилой? Аааа...

— Господин Хэвенс, — начал Такахаси, но тот уже не слушал.

— Такахаси, закройте это! — взвизгнул Хэвенс, отшатываясь от монитора. — Я не могу на это смотреть! Выключите!

Такахаси спокойно наклонился и выдернул шнур монитора из розетки. Экран погас. Хэвенс, бледный как полотно, схватил стакан и сделал судорожный глоток смузи. Руки у него дрожали.

— Ну как, сэр? — спросил Такахаси. — Вам легче? Теперь вы в курсе, кто такие «наши партнёры»?

— А-а-а... да-да-да... — Хэвенс часто закивал. — Такахаси... а можно они не будут нашими партнёрами?

— Нет. Так не получится.

— Почему? — Хэвенс перешёл на шёпот. — Давайте просто не будем отвечать на их звонки. И вышлем им соглашение о расторжении. Это страшные люди... я такого никогда не видел.

— Нет, так не получится, — повторил Такахаси.

— Да почему же!

— Ваш дядя будет против.

— Дядя? — Хэвенс осёкся. — Действительно... Тогда точно не получится.

Он ещё несколько секунд тяжело дышал, приходя в себя. Затем тряхнул головой и попытался вернуть лицу выражение начальственной строгости. Получилось плохо.

— Ладно, — сказал он наконец. — Так что там дальше с этим самым Вандерхофом?

— Конвой отбился и угнал гражданский транспорт — старый «Груман» под названием «Толстая Бэтти». Они покинули «Кассиопею» и ушли в прыжок в неизвестном направлении.

Хэвенс с грохотом опустил стакан на стол. Злость вернулась мгновенно, будто и не было только что испытанного ужаса.

— В неизвестном направлении?! — Его голос снова сорвался на фальцет. — Вы обещали, что всё будет под контролем! Вы обещали, что «Эгида» справится! Где теперь этот проклятый бухгалтер?! Никто не умеет работать! Весь отдел держится только на мне! И на Вики! Где его искать прикажете?!

— Мы выясняем, — спокойно ответил Такахаси.

— Выясняете?! — Хэвенс вскочил. — Следующая точка маршрута — Аврора! Если они прыгнули на Аврору, Вандерхоф попадёт в здание трибунала, и тогда конец! Вы понимаете, что тогда будет?! Мой дядя...

— Я понимаю, — перебил Такахаси. Голос его остался ровным. — Поэтому я не полагаюсь только на силовой перехват. Я уже предпринял меры.

Хэвенс замер на полуслове.

— Какие меры?

— Во-первых, — Такахаси чуть подался вперёд, — я выяснил, что шесть лет назад, при помещении в «Дельфин», АРП внедрило в тело Вандерхофа пассивный маяк модели «Эхо-62». Он активируется в зоне федеральных ретрансляторов и посылает координаты на сервер АРП. Я только что связался с нашим агентом в аналитическом отделе АРП. Он в течение суток, максимум двух, настроит переадресацию данных с маяка на наш сервер. Как только «Толстая Бэтти» выйдет из прыжка, мы узнаем их местоположение.

— Сутки? Двое? — Хэвенс нервно задёргал ногой. — А если за это время они уже прилетят на Аврору?!

— Если они прыгнут на Аврору, задача упрощается, — спокойно продолжил Такахаси. — Я подстраховался и с этой стороны. Через нашего общего знакомого в ССБС мы выставили группу Хартманна крайними в боине, которую устроили бандиты на «Кассиопее». Официальная версия уже уходит в систему: конвой ССБС — предатели, которые инсценировали нападение, чтобы скрыть побег с особо опасным заключённым. Ордер на их задержание и ликвидацию как особо опасных преступников готов. Как только их транспортник окажется в зоне досягаемости кораблей Флота — его уничтожат без предупреждения. Проблема будет решена чужими руками.

Хэвенс медленно опустился в кресло. Злость на его лице сменялась чем-то похожим на облегчение.

— Такахаси, — произнёс он, покачивая головой, — вы хитры, как водяная крыса!

Такахаси, уже начавший подниматься, замер.

— Что? Какая ещё крыса?

— Ну, маленькая такая, с лысым хвостиком. Мы в детстве с братом ловили их в пруду на нашей вилле. Очень хитрые твари. — Хэвенс махнул рукой. — Впрочем, не важно. Действуйте. И держите меня в курсе. А я доложу дяде, что под моим руководством никакой Вандерхоф никуда не доберётся.

Такахаси несколько секунд смотрел на него с непроницаемым выражением лица. Затем коротко кивнул:

— Разумеется.

Такахаси вышел из кабинета.

В лифте он достал коммуникатор и набрал Танаку:

— Рик, поднимай группу. Полная готовность. Как только получаем координаты — мы вылетаем.

— Принято, — раздался голос Танаки. — А если они выйдут на Авроре?

— Тогда нам даже не придётся вылетать. За нас всё сделает Флот.

В динамике послышался короткий смешок.

— Красиво. Хэвенс оценил?

— Хэвенс, — Такахаси помедлил, — сказал, что я крыса с лысым хвостом. Я воспринял это как комплимент. Конец связи.

Он убрал коммуникатор. Лифт плавно скользил вниз. Ночь ещё не кончилась, но впереди уже забрезжил свет — свет монитора, на который через сутки-двое поступят координаты цели. А до тех пор ему оставалось только ждать. Ждать, когда тело Вандерхофа само расскажет, где искать конвой.

Глава 6 Нова-Рифт

«Толстая Бэтти» вышла из прыжка на границе системы, в сотне тысяч километров от ближайшего скопления астероидов. Барретт погасил маршевый двигатель и активировал гиперволновой передатчик. Частота три-восемь-два-точка-семь. Он набрал код запроса и отправил короткий импульс в пустоту: «Семь-четыре-девять, запрос доступа».

Ответ пришёл через сорок секунд. На экране навигации замигал новый контакт — неопознанная точка в глубине системы, скрытая за плотной туманностью. Вектор подлёта загрузился автоматически.

— Принимают, — сказал Барретт. — Только что это за туманность?

— Пылевое облако Карно, — пояснил Вандерхоф, который сидел в соседнем кресле. Ограничители с него сняли ещё после прыжка, но капрал Фелпс стоял за спиной, скрестив руки на груди. — Местные прячутся за ним от любопытных глаз. Очень удобно. Федеральные сканеры туда не пробивают.

— Несколько часов до планеты, — сообщил Барретт. — Идём по вектору.

«Толстая Бэтти» развернулась и нырнула в туманность. За иллюминаторами поплыла густая серо-фиолетовая взвесь — частицы пыли и газа, медленно кружащиеся в магнитном поле. Хартманн молча смотрел на приближающуюся точку, и в его голове крутилось только одно: хирург. Зачем им хирург? Что задумал этот сумасшедший бухгалтер?

Через четыре часа корабль вынырнул из туманности. Перед ними висела планета — небольшой каменистый шар, окутанный коричневой атмосферой. Безжизненные пустоши, кратеры, редкие пятна жёлтой растительности. На дневной стороне было видно пятно единственного города.

— Диспетчерская Нова-Рифт, это транспортный борт «Толстая Бэтти». — произнёс Барретт в канал связи. — Запрашиваю посадку.

В динамике зашипело, затем раздался голос — вялый, растянутый, будто человек только что проснулся или находился под чем-то:

— «Толстая Бэтти»... ха-ха, вот это название... ты это... садись куда хочешь. Площадка три, если свободна. Если занята — площадка четыре. Если обе заняты — ну, тогда площадка пять. Разберёшься. Конец связи.

Барретт несколько секунд смотрел на пульт, потом повернулся к Хартманну:

— Капитан, это вообще легально?

— Мы не в легальном секторе, — напомнил Вандерхоф. — Привыкайте.

Когда «Толстая Бэтти» только начала снижение, Вандерхоф собрал экипаж в тесной кают-компании.

— Господа, — начал он, — прежде чем мы выйдем наружу, небольшой инструктаж. Снимите с брони все эмблемы, шевроны, знаки различия — всё, что указывает на принадлежность к федеральным службам. Зачистите до голого пластика. Если кто-то здесь заподозрит, что вы из ССБС, нас пристрелят раньше, чем я успею сказать «налоговый вычет».

— А мы кто теперь? — спросил Фелпс, уже срезая ножом эмблему с плеча.

— Вы — мои деловые партнёры. Мы приехали изучить возможности для поставок. Говорить буду в основном я. Вы — молчаливые, опасные люди, которые не любят болтовни. Это, кстати, почти правда.

— А если спросят, чем торгуем? — уточнил Барретт.

— Скажем, что ищем новые рынки сбыта для медицинского оборудования. Это звучит солидно и ни к чему не обязывает. Держитесь свободно, но никого не провоцируйте. И, ради всего святого, не пытайтесь никого спасти. Здесь все счастливы. Ну, или под кайфом. Что, в сущности, одно и то же.

Через десять минут «Толстая Бэтти» зашла на посадку. Планета встретила их пыльным ветром и тусклым светом красного карлика. Барретт вёл корабль по глиссаде, ориентируясь по приборам.

— Площадка три, — доложил он. — Занята. Там какой-то ржавый грузовик. Перестраиваюсь на четвёртую.

— А если и четвёртая занята? — спросил Фелпс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.